

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНТРОПОНИМОВ РАННИХ АЛАН

А. Х.-А. Катчиев

Аланы впервые отмечены в европейских хрониках в I в. н.э. на достаточно обширной территории на стыке Европы и Азии; и с разной периодичностью, включая и порой значительные временные лакуны, упоминаются вплоть до 19 века включительно, то есть, без малого две тысячи лет. Вопрос о происхождении алан и об их языковой принадлежности исследуется уже на протяжении длительного времени, но в связи с тем, что выводы историков и лингвистов, как правило, не совпадают с теми историческими сведениями о языке алан, которые мы имеем из средневековых нарративных источников, побуждают исследователей вновь и вновь обращаться к ним и искать причины, по которым эти противоречия возникают. При устоявшейся в отечественной науке точке зрения об ираноязычии алан, апологеты этой теории совершенно игнорируют аланские антропонимы, широко представленные в письменных источниках, за очень небольшим исключением. Вс.Ф. Миллер в своих знаменитых «Осетинских этюдах» попробовал произвести краткий этимологический анализ лишь небольшого числа аланских имен [ОЭ III]. В.И. Абаев в своей работе «Осетинский язык и фольклор» отметил, что общая сводка аланских имен была бы крайне интересной, но решил коснуться очень незначительной группы аланских антропонимов из истории монголов [ОЯФ I, 253]. В этой связи возникает стойкое ощущение, что этим, да и многим другим, исследователям эти имена из средневековых письменных источников были не очень-то интересны. Такое игнорирование антропонимов тем более непонятно, поскольку каждое имя основано на апеллятивах, выявление которых представляется задачей крайне важной для исследования языка древнего народа. Эту задачу в меру своих возможностей постарался выполнить каталонский исследователь Агусти Алемань, собравший воедино в своем труде «Аланы в древних и

средневековых письменных источниках» не только бóльшую часть обширной литературы, касающейся алан, но и все наиболее значительные исследования этимологии аланских имен, что делает этот труд наиболее ценным источником по антропонимии этого древнего народа.

Карта 1. Миграции алан с Прикаспия на запад в начале нашей эры *

Данная работа представляет собой первую часть этимологического исследования аланского антропонимикона. В ней анализируются аланские личные имена раннего периода: до XII в. включительно – для имен, отмеченных в европейских источниках (латинских и греко-византийских), до X в. включительно – для имен, отмеченных в грузинских источниках, а также имена из армянских письменных источников без временного ограничения, поскольку все они зафиксированы в период раннего средневековья. Причиной, побудившей ограничиться в первой части работы такими временными рамками, послужила необходимость исследовать аланские антропонимы, оформившиеся до начала контактов с поздними тюрками – половцами, появившимися в восточноевропейских степях в первой половине XI в. (по

мнению В.А. Кузнецова, тогда же они проникли и в северокавказскую степь [Кузнецов 1997, 168]), куманами, проникшими на территорию Европы (Венгрию), будучи преследуемы монголами, в XIII в. (1239 г.). В этот период наиболее низка вероятность обнаружить половецкое языковое влияние в аланской антропонимии, потому аланские имена предстают в наиболее «чистом» виде.

Этнические группы, обозначенные в письменных источниках как ас, яс, либо в грузинских источниках как овс, достаточно определенно ассоциируется с аланами в целом ряде исторических сочинений [Кузнецов 1992, 30; Ал., 34 – 35], потому признание асов (ясов, овсов) если не идентичным, то хотя бы близкородственным по отношению к аланам народом, не противоречит исторической действительности, а значит, допустимо толковать этноним алан расширительно, охватив также обозначенные этнические группы; как и их антропонимы, которые должны быть исследованы в числе аланских. Однако современными авторами целый ряд антропонимов отнесен к аланским совершенно беспочвенно, основываясь часто лишь на иранском происхождении имени, зафиксированного в письменных источниках, либо распространяя этноним алан на другие этнические группы, отнесение которых к аланам или их предкам спорно, а ретроспективный анализ происхождения алан от тех или иных древних народов часто мало обоснован. В частности, речь идет о сарматах (савроматах), аорсах, сираках, роксоланах, массагетах и некоторых других. Разумеется, такие антропонимы следовало исключить из исследования, чтобы избежать недостоверных результатов. Задача по выявлению ошибочно атрибутированных онимов сильно упрощается благодаря наличию большинства из них в капитальном труде А. Алеманя, который и сам не избежал ошибок в этом плане, как и многие другие авторы [напр.: Камб.; Гаглойти 2007 и др.]. Потому мы вынуждены вначале «отсеять» такого рода имена.

Антропонимы, ошибочно атрибутированные как аланские:

Евنون (*Eunones*). — Царь аорсов. Имя признано Алеманем греческим антропонимом [Ал., 122].

Распараган (*Rasparagano*). — Царь роксоланов или сарматов [Ал., 123].

Сафрак (*Saphrax*). — Остроготский вождь [Ал., 123], имя которого включено в число аланских совершенно произвольно по той лишь причине, что может иметь осетинскую этимологию — «черноспинный» или «рано встающий» [там же]

Аланик (*Αλα[νικός?]*). — Надпись из Горгиппии [Ал., 164]. Однако определение аланской этнической принадлежности обладателя такого имени, по меньшей мере, необоснованно, поскольку наиболее характерной особенностью этноантропонимов является то, что этническое наименование определенного рода, как правило, не может быть присвоено представителям данного рода; это правило распространяется и на племя, и на целый народ [Атаниязов, 75].

Мазея (*Μαζαία*) и **Мастира** (*Μάστειρα*). — Персонажи, вымышленные Лукианом Самосатским [Ал., 141 – 143, 166].

Ревсинал (*Ρευσιναλος*). — Надпись из Пантикапея. Никакой этнической атрибуции этого имени не имеется, Юсти лишь предположил, что за этим именем скрывается этноним роксолан [Ал., 166 – 167].

Спадин (*Σπαδίνης*). — Царь аорсов [Ал., 167].

Тасий (*Τάσιος*). — Вождь роксоланов [там же].

Алановиамут (*Alanoviamuthis*). — Сын Парии и отец историка Иордана, обозначен А. Алеманем как алан или гот. Упоминание этнонима алан в личном имени само по себе является препятствием для принятия его в качестве аланского

антропонима [см. выше], вторая часть является готским именем, что подтверждает готскую этническую атрибуцию. Какого-либо упоминания о возможной аланской этнической принадлежности носителя этого имени не имеется [Ал., 232].

Пария (Paria). – Дед историка Иордана и отец Алановиамута, был всего лишь нотарием у аланского вождя Кандака, но об этнической принадлежности Парии Иордан ничего не сообщает [Ал., 194]. По мнению А. Алеманя, Пария был гот или алан. Однако проготские настроения Иордана, обвинявшего аланского вождя Сангибана в малодушии и в то же время прославляющего визиготов, а также рассказ о том, как римляне наголову разбили алан Беорга в первом же сражении, демонстрируют явную враждебность Иордана по отношению к аланам, которые в свою очередь были враждебны визиготам. Данное обстоятельство было замечено и А. Алеманем [Ал., 189-193, 195, 234], и оно не оставляет сомнений в готской этнической принадлежности Иордана, а значит, и его отца Алановиамута, как и деда – Парии.

Мария (María). – Дочь грузинского царя Баграта IV и аланской принцессы Борены [Ал., 320].

Аланаозан (Alanaozan). – Персидский полководец на службе сасанидского царя Шапура II. Наличие в антропониме звукоряда, повторяющего этноним алан, не является свидетельством аланской этнической принадлежности носителя этого имени, при том, что нигде в источниках об этом не упоминается [Ал., 388].

Ашхадар (Ašhadar) и Ашхен (Ašxen) [Ал., 389 – 390]. – Отец и дочь, отмеченные Мовсесом Хоренаци. Однако у последнего совершенно не упоминается о возможной аланской этнической принадлежности данных лиц [Хорен. II, 83], Алемань также отмечает, что и у другого армянского автора V в. Агафангела родословная Ашхен не приводится [Ал., 373].

Бер (Bēr). – Сарматский князь [Ал., 390]. С учетом того, что армянские авторы, знакомые с аланами, обозначили Бера не

как аланского, а как сарматского князя, не дает нам оснований обозначить его этническую принадлежность как аланскую.

Санесан (*Sanēsan*). — Царь мазкутов. Упоминание алан среди войск этого царя, но при этом обозначение самого Санесана как мазкута, исключает возможность признания его аланом [Ал., 391].

Скуер (*Skoher*). — Информатор аланского (?) царя. У Алеманя стоит под вопросом его возможное отношение к аланам, поскольку Скуер был лишь информатором аланского (?) царя Гигианоса, но в источнике ничего не говорится о его этнической принадлежности [Ал., 392]. При этом довольно трудно обозначить и этническую принадлежность царей Шапуха и Гигианоса, поскольку под Шапухом явно подразумевается персидский царь IV в. Шапух II (Шапур II), что и послужило для А. Алеманя основанием не включать эти имена в аланский антропонимикон.

Аспагур (*Asp'agur*). — Грузинский царь. Никакого упоминания о возможной связи с аланами в источниках не имеется; имя включено в число аланских лишь по причине определения В. Абаевым иранской этимологии [Ал., 423]. При этом следует помнить о многовековом господстве Персидской империи над территорией Грузии (особенно, Картли и Кахети), вследствие чего, до принятия христианства, подавляющее большинство имен грузинских царей и даже вельмож имеют персидское происхождение [Вахушти, XXX], соответственно атрибуция этих имен как аланских, совершенно безосновательна.

Саурмаг (*Saurmag*). — Грузинский царь. В источниках не говорится ни о какой связи с аланами, рассмотрение этого имени в ряду аланских есть результат попытки В. Абаева обозначить для его имени иранскую этимологию. Алемань назвал гипотезу В. Абаева противоречивой [Ал., 427].

Тархан (*T'arhan*). — Хазарин, выступавший на стороне овсов [Ал., 427].

Уобос (Uobos). – У Л. Мровели легендарная личность, эпоним овсов, сын царя хазар. По мнению Алеманя, является искусственным грузинским образованием от этнического имени Ovs-i с греческим тематическим окончанием [Ал., 427 – 428].

Вахтанз (Vaxtang). – Грузинский царь. Алемань приводит материал из Хроники, согласно которой имя обозначено как персидское [Ал., 428], а не аланское.

Кизо (Kīzō). – Вождь «мятежного народа» (II в.) из сирийской Арбельской хроники. Никаких сведений о том, что он мог быть аланом, в хронике не приводится [Ал., 501, 508].

Личные имена, достоверно обозначенные в качестве аланских, мы разделили на несколько категорий: имена из латинских, греко-византийских, армянских и грузинских письменных источников. В каждой группе антропонимы даются в алфавитном порядке, согласно кириллической алфавитной системе, за исключением подраздела грузинской группы, в котором рассмотрены имена из сочинения Леонтия Мровели «Жизнь картлийских царей». Тюркские апеллятивы и онимы даются в фонологической транслитерации на основе латинского алфавита, которая применена в Древнетюркском словаре [ДТС, XIII-XVIII]. Отказ от системы МФА и принятие системы, употребленной в ДТС обусловлено рядом причин. Это, в частности, излишняя громоздкость системы МФА, в которой аффрикаты обозначаются двумя литерами с надстрочной перемычкой, что не очень удобно для записи тюрк. слов. Помимо прочего, нами принято обозначения узкого неогубленного заднерядного гласного, обычно обозначаемого в кириллице буквой *ы* не через латинский *у*, как это чаще всего делается в тюркологической литературе, а через букву *ī*, как в ДТС. Сделано это по той причине, что латинская строчная *у* по форме идентична кириллической букве *у*, обозначающей звук, имеющий совсем иную фонетическую характеристику (остальные латинские и кириллические буквы, обозначающие гласные звуки, таких различий не имеют), а также близка по форме греческой гамме (*υ*), которая используется в тюркской фонетической и фонологической транскрипции для

обозначения гуттурального проточного звонкого согласного, что может запутать читателя.

В отношении большинства аланских имен нами предлагается несколько альтернативных этимологий, что обусловлено тем, что передача аланских имен орфографическими средствами латинского, греческого, армянского, грузинского языков далеко не всегда адекватно отражает фонетическую форму аланского имени.

I. Аланские антропонимы в латинских источниках до XII в.

Абаба: *Ababa*. — Аланка, мать императора Максимиана (235 — 238 гг.) и жена гота Микки.

А. Алемань отвергает как неправдоподобные этимологии В.И. Абаева **hu-vāba* ‘хорошая ткачиха’ и Ф. Альтхейма **ap-āpa* ‘безводная’ и находит убедительным мнение Л. Згусты, в котором последний считает это имя производным от «детского слова» [Ал., 121]. Последнее также малоубедительно в связи с наличием лексемы *aba* ~ *apa* ~ *abba* ~ *appa* в целом ряде тюрк. языков в значениях ‘мать’, ‘старшая сестра’, ‘тётка’, ‘старшая родственница’, ‘бабушка со стороны отца’, ‘обращение к пожилым женщинам’, ‘почтительное обращение к женщине’ и др., как современных [ЭСТЯ I, 158-159], так и древних: *aba* ‘мать’ [ДТС, 1], *apa* ‘старшая родственница, старшая сестра’, ‘мать’ [ДТС, 47]. Более того, *apa* фигурирует в именах собственных и титулах: *apa tarqan*, *öz apa tutuq*, *qul apa uruñu* [ДТС, 47, 395, 464], отмечается также как полноценное имя собственное [ЭСТЯ I, 55-56 (ссылка на А. фон Габен)]. Семантическую основу классификационного термина родства *aba* ~ *abu* ~ *apa* ~ *appa* ~ *abba*, по утверждению Э.В. Севортяна, образует значение старшего по возрасту в системе кровно-родственных отношений, опирающихся на мужскую и женскую линии, которые в рассматриваемом отношении исторически равноправны [ЭСТЯ I, 55]. При этом он полагает, что из двух основных форм *apa* ~ *aba* более древней является первая, которая в свою очередь восходит к форме **appa* [ЭСТЯ I, 54]. К

этой же основе (*ара*) восходит и наличествующая в большинстве кыпчакских языков в аналогичных значениях форма *арај*, содержащая непродуктивный в части современных тюрк. языков вокативный формант *-j* [ЭСТЯ I, 159-160]. Что касается личного имени аланки *Ababa*, то здесь либо мы имеем геминированную форму *abba ~ appa*, в которой для подчеркивания геминии использован вставочный гласный, либо, что более вероятно, имя является двусоставным, из которых вторая часть представляет собой уже рассмотренный апеллятив *aba ~ ара*, а первая часть – др.-тюрк. *eb* ‘жилище’, ‘семья, домочадцы’ [ДТС, 162]: **eb aba* ‘мать семейства’.

Аддак: *Addace* (в аблативе) (*atace, addacher*) // *Addace* // *Atace* (*athace, utaco*) // *Addacher* (*Addac*). – Царь аланов Испании в 418 г. – Алемань поясняет, что Моммзен отверг чтение *Utaco*, а *Addacer* может быть объяснено из самого текста (*Addace rege*) [Ал., 121]. Мнение В.И. Абаева [ОЯФ I, 254] о совпадении этого имени с другими аланскими именами *А-да-чи* и *А-та-чи* (у Абаева это одно имя – А.К.) принять вряд ли возможно хотя бы по причине наличия значительного временного промежутка в девять столетий между названными именами, что отнюдь не может способствовать сохранению этого имени в первоначальной форме. Самого В. Абаева такой временной промежуток не смутил [там же]. Предложенная В. Радловым и М. Фасмером этимология из тюрк. *atak* ‘слава’, как и предложенная Г. Вернадским из осет.-ирон. *æddag* дигор. *ændag* ‘внешний’, равно как и предположение Хумбаха о гуннском происхождении этого имени, по мнению Алеманя, маловероятны [Ал., 121]. С частью этих выводов согласиться совершенно невозможно. Разумеется, версия Вернадского об осет. происхождении этого имени не может быть принята вследствие семантической несуразности вероятности создания личного имени на основе апеллятива со значением «внешний». Что же касается возможности происхождения этого имени от отвергнутой Алеманем тюрк. основы от апеллятива со значением «слава», то она представляется весьма реальной и продуктивной для формирования личных имен. Для этого достаточно обратить внимание на крайне высокую продуктивность подобного рода именных основ, например, в славянских языках (Ярослав,

Мстислав, Вячеслав, Бронислав и мн. др.). В. Радлов, со ссылкой на ряд тюрк. языков, приводит *atak (ataq)* в значениях ‘слава, известность’, ‘дурная слава, клевета’, ‘хвастун, болтун’, ‘горячий человек’ [Радлов I, 452-453], а также *atau* ‘почетное звание’, ‘хвала, слава, известность, прозвище’, ‘доверенный, опекун’ и др. [там же, 453]. Экспрессивный характер данного апеллятива, вне зависимости от употребления его в позитивном, либо негативном семантическом контексте, почти в равной степени должен способствовать его проприации и использованию для имянаречения.

Сам А. Алемань предлагает форму **at(t)aka-* ‘папа, тятя’ с экспрессивной геминацией с добавлением реконструируемого др.-иран. суффикса **-aka* [Ал., 121]. Однако данная форма для иран. языков целиком гипотетична, поскольку не имеет реализации ни в древних, ни в современных иран. языках, насколько я могу судить по отсутствию подобных примеров. Следует также отметить, что в осетинском языке отсутствует как апеллятив *ata* в значении ‘отец’, так и формант *-aka*, столь убедительно реконструируемый Алеманем для иран. языков. В свою очередь, лексема *ata ~ ada*, являясь общетюркской и исконно тюркской, имеет значения ‘отец, папа’, ‘дед по отцу’, ‘предок’, ‘патриарх’, ‘старец’, ‘прибавляется к имени пожилого мужчины при обращении к нему или при упоминании его имени’, ‘вежливое обращение к пожилому мужчине’, ‘уважаемый, почтенный человек’ и др. [ЭСТЯ I, 200-201], из которых общетюркским является значение ‘отец’ [там же, 200]. В ДТС *ata* приведено не только в качестве апеллятива – “отец”, но и в качестве компонента личного имени *ata sayun* [ДТС, 65-66]. В современных тюркских языках имеем личное имя *Ata* [Кум.РС, 51], личные имена *Ataj* и *Atta*, послужившие родовыми наименованиями у карачаевцев и балкарцев (фамилии *Ataj-lari* и *Atta-lari*) [КБРС, 791] Что касается упомянутого Алеманем суффикса *-aka*, то для гипокористической формы “*nana*”, в тюрк. языках используются формы с аффиксами *-aj, -eke: ataj, adaj, atij, ataqaj, atäkä* [СИГТЯ 2006, 539]. В. Радловым приведены казах. и кирг. форма *atäkä* в значениях ‘бабушка’, ‘дедушка’, ‘учитель’,

‘наместник’ [Радлов I, ст. 457]; в карач.-балк.: *ataka, atakaj* ‘папа’ [КБРС, 87], а также и геминированные формы *atta* и *att'a, attij* ‘папа, отец, тятя’, ‘дед, дедушка’ [КБРС, 90]. В живой речи, для усиления ласкательного значения, и к этим геминированным формам часто присоединяется высокопродуктивный гипокористический формант *-ka ~ -kaj*: *attaka, attakaj, att'aka, att'akaj*. Таким образом, алан. имя *Аддак* может быть как гипокористической формой апеллятива ‘отец’ – *attaka*, так и результатом онимизации апеллятива “слава”, “хвала” – *ataq*. И в том, и в другом случае, имеем прозрачные тюркские апеллятивы.

Беоргор: *Beorgor // Biorgor // Beorgum* [в аккумулятиве] < **Beorg*. – Царь аланов в Северной Италии в 464 г. – Миллер предлагает осет. *bewræ* ‘много’ + *korun* ‘просить’ [Ал., 122; ОЭ III 96] (Алемань подкорректировал предложение Миллера, т.к. у последнего было *gor-un*. – А.К.). А. Алемань, вслед за Абаевым, склоняется к гипотезе Фасмера, усматривающего здесь эквивалент авест. *Vaēvarəgaō* ‘имеющий много скота’: *Beorgus* < **baivar-gu-* ‘имеющий 10 тысяч голов крупного рогатого скота’ (у Абаева: < *baivar-gau* ‘имеющий много крупного скота’) [Ал., 122; Аб., 159]. Конъектура *Beorgus* (включающая латинский формант *-us*) вряд ли допустима, поскольку наиболее ранний из источников – консульский фаст из Вены приводит это имя в форме *Beorgor* [Ал., 91], как и следующий по времени – хроника Кассиодора [Ал., 171]. И лишь в более позднем источнике – «Истории готов» Иордана это имя приводится в аккумулятиве в форме *Beorgum* [Ал., 193], которое вполне обоснованно Алемань при переводе в твор. падеже приводит форму *Беоргом* < *Беорг*. Вариант *Biorgor* еще более позднего автора Павла Диакона по той же причине принять вряд ли возможно. В предложенном авест. архетипе (< **baivar-gau* ‘10 тысяч голов крупного рогатого скота’) ни морфологически, ни синтаксически не выражены посессивные отношения, а лишь голословно постулируется их наличие, при том, что осетинский язык обладает подобными средствами: осет.-ирон. суффикс *-yg*, обозначающий ‘наделенность чем-либо’, либо префикс *æd-* ‘с’ [ГООЯ, 116-117, 125]. Кроме того, использование аланами 5 века для имянаречения некой авестийской сложной формы, непонятной самим аланам и,

главное, не имеющей распространения в качестве личного имени, весьма спорно. В этой связи, реконструкция архетипа **baivar-gau* для личного имени *Beorgor* выглядит откровенной натяжкой. Что касается этимологии, предложенной Миллером (“*много просить*”), то она еще более спорна, а потому вряд ли может рассматриваться как основа для личного имени.

Невозможность дать иранскую этимологию этого имени вполне очевидна, а потому возникает необходимость в ином направлении поисков архетипа. Очевидна двукомпонентность данного имени. Легко вычленяется основа *beor* ~ *bior*, несомненно представляющее собой тюркское *börü* ~ *böri*: перебой *-eo-* ~ *-io-* представляет собой попытку средствами латинского письма передать переднерядный тюрк. звук *ö*, также видим закономерную редукцию безударного узкого гласного *ü* между сонорным *r* и шумным *k / q* [Гузеев, 20 – 21, 49]. Второй элемент корня вероятно представляет собой субстантивацию тюркского прилагательного *kür* ‘смелый’, ‘отважный’ [ДТС, 328] > “смелость, отвага” (см. ряд значений также у Севортыяна [ЭСТЯ III, 76]), препозиция *börü* ставит его на роль определения в данной атрибутивной конструкции: *Beorgor* < **börü kür* ‘волчья отвага’. Либо *qur* ‘положение, чин, достоинство, ранг’ (< *qur* “пояс”) [ДТС, 466-467; МК, 318]: *Beorgor* < **börü qur* ‘волчий ранг’, ‘волчье достоинство’ (О почитании тюрками волка и связанном с этим имянаречении [см.: СИГТЯ 2001, 642; СИГТЯ 2006, 716-719]); *qori-* ‘оберегать, охранять’ [ДТС, 458]: *Beorgor* < **börü qori* ‘волчья охрана’, либо масдарная форма: **börü qoriyü* ‘то же’. Активное использование тюркскими народами апеллятива *börü* ~ *böri* в качестве личного имени имеет двойную мотивацию – дезидеративную (пожелание ребенку иметь качества волка – быть сильным, храбрым) и тотемную, связанную с культом волка.

Дула: *Dule* – аланский князь, отец жен Хунора и Могора, эпонимов гуннов и мадьяр в «Истории Венгрии» Шимона Кезаи (XIII в.). – Алемань приводит мнение Маркварта о том, что *Дула* (*Дьюла*) представляет собой персонификацию одного из аланских племен, а именно *Tülās* ибн Русте, и мнение Скельда,

предлагавшего их идентификацию с осетинами-туальцами [Ал., 233]. Помимо этого, Алемань приводит данные из русской компиляции конца XIV в. «Еллинский и Римский Летописец», сохранившей так называемый «Именник болгарских правителей» — перевод на староцерковнославянский с византийского греческого оригинала, который был скопирован с двух болгарских надписей на цилиндрических колоннах VII — VIII вв., более не существующих и содержащий имена тринадцати протоболгарских вождей (до VIII в.) от легендарного Авитохола (Авитохоль) до Умора (Оуморь) (ум. В 767 г.), девятый из которых принадлежал к роду Дуло (Доуло) [Ал., 233].

Связь имени эпического аланского князя *Dula* с наименованием болгарской царской династии *Dulo* и именем др.-тюрк. правителя *Dulu* несомненна, более того, судя по всему, речь идет об одной и той же исторической (либо эпической) личности. Не вдаваясь в содержание различных легенд о происхождении тюркских племен *ашина* и *дулу*, поскольку оно не входит в предмет настоящего исследования, следует лишь заметить, что пять из десяти групп западных тюрков носило общее наименование *дулу* по имени др.-тюрк. правителя **На-дулу* (*nar-dou-luk > Nāb-? tuyluq*) [Зуев, 118]. Наречение венграми в своей эпической традиции [Ал., 223] аланского князя — отца прародительниц гуннского народа именем *Дула*, весьма примечательно и является свидетельством того, что они не видели различий между аланами и другими тюркскими народами, во всяком случае, в XIII веке. Нам, тем не менее, не известно был ли сам Шимон Кезаи автором легенды о происхождении гуннов от Хунора и Могора, женившихся на дочерях аланского князя *Дулы*, либо он передал существовавшую при его жизни легенду. При этом нет никаких причин связывать имя аланского князя с именами христианских мучеников *Дулы* Киликийского (IV в.) и *Дулы* Египетского (V в.), как и с именем *Доулаç* из Танаиса. Последние, вероятно, восходят к греч. *δοῦλος* 'раб'. Однако этот греческий апеллатив не мог иметь никакого отношения к именам (имени ?) правителей, поскольку семантика греческого слова совсем не соответствует высокому статусу обладателей имен *Дулу*, *Дуло* и *Дула*. Этимологический анализ имени

аланского князя из венгерской эпической легенды следует производить, учитывая весьма вероятную связь с названными тюркскими именами, на основе др.-тюрк. апеллятивов. Чтение китайских иероглифов *dou-luk* как **turug* или как-либо иным образом, опровергается Зуевым, отмечающим, что соотношение *dulu = tuyluq* уточняется графическим вариантом **нэнь-дулу* (*nuem-d'uk-luk > Näm-tugluq*), исключая другие пути дешифровки [Зуев, 318]. Само имя *Tuyluq*, вероятно, производится от др.-тюрк. *tuyluy ~ tuylüy* 'имеющий бунчук, знамя' [ДТС, 584], при этом возможна также связь с др.-тюрк. апеллятивами *toqiliy* 'стройный, красивый, изящный' [ДТС, 576], *toquliy* 'благонравный, благовоспитанный', 'исполняющий предписания, обычаи' [ДТС, 577], фиксируется также др.-тюрк. л.и. *Toqluq* при апеллятиве *toqluq* 'достаток' [там же]. Имеется также др.-тюрк. *toqli* 'шестимесячный ягненок' [там же].

В случае непринятия тезиса о том, что *Дулу*, *Дуло* и *Дула* есть одно и то же историческое лицо (последнее маловероятно), аланское имя *Dula* возводится к др.-тюрк. *tolu ~ tulu* 'полный, наполненный' [ДТС, 573, 585; Clauson, 491]. Данный др.-тюрк. апеллятив фиксируется и как личное имя *Tolu* [ДТС, 573], либо, что менее вероятно, несмотря на то, что атмосферные явления в тюрк. языках часто проприативируются в антропонимы, *tolü* 'град' [ДТС, 573; Clauson, 491]. Озвончение анлаутного *t* возможно не только при передаче тюркских лексем (в т.ч. онимов) средствами европейских языков, но и в самих тюркских языках такое озвончение имеет место [см. Clauson, 491 – 492]. Возможно, это же имя (но у другого лица) фиксируется у Моравчика: *Толаіа* – татарин-христианин (14 век) [Moravcsik II, 316].

Кандак: *Candac (candax)* – вождь скиров, садагариев и алан в середине V в. у Иордана. Точка зрения о том, что Кандак принадлежал к аланской этнической группе, небесспорна, поскольку он мог быть и скиром [Ал., 194 и след.]. – Этимологию Абаева [ОЯФ I 170], возводившего это имя к осет. *kæn-dak* 'носящий холст' (< **kana* 'конопля'), Алемань считает маловероятной. Он же приводит точку зрения Альтхайма,

который сравнивает его с аварским именем *Kavđix*, и считает его гуннским. При этом, он полагает, что аланские имена на *-ac* лучше объясняются как идущие от др.-иран. суффиксов (*-aka, *-āka > осет. -æg, -ag) [Ал., 233], но сам не предлагает какой-либо конкретной версии, что само по себе является свидетельством того, что *Candac* вряд ли может иметь более или менее обоснованную иранскую этимологию. В отношении этимологии Абаева, нельзя не согласиться с Алеманом по поводу ее маловероятности и натянутости, что, однако, вряд ли можно сказать о версии Альтхайма. Моравчик, со ссылкой на Вамбери и Гомбоца, имя аварского посла — *Kavđix* объясняет как тюрк. *Qandig* [Moravcsik II, 149]. Возможно, *Candac* и *Kavđix* представляют собой разные отражения одного имени, либо содержат в себе общий апеллятив. Каких-либо фонетических препятствий для *Candac* < **Qandig* не существует.

Анализируя антропоним с позиции тюркских языков, довольно убедительной представляется связь первой части — *can-* [kan] с тюркскими апеллятивами-омонимами *qan* ‘хан, правитель’, ‘повелитель’, ‘предводитель’ [ДТС, 417] и *qan* ‘кровь’ [ДТС, 416 – 417] Элемент *qan* является одним из самых распространенных компонентов др.-тюрк. личных имен: *Qan*, *Qan elči*, *Qan oyul*, *Qan tojin*, *Qars qan sanun*, *Erklig qan* и др. [ДТС, 417; СИГТЯ 2001, 710]. Второй элемент антропонима — *-dac* /dak/ сопоставим как с др.-тюрк. апеллятивом *day* ‘клеймо, тавро’ [ДТС, 158], так и с апеллятивом *tay* ‘гора’ (инициаль: для целого ряда тюрк. языков характерно ослабление и озвончение анлаутного t; финаль: переход ауслаутного увулярного у в w в кыпчакских языках — явление относительно позднее). Апеллятив *tay* встречается как в качестве личного имени — *Tay* [ДТС, 526]), так и в качестве компонента личного имени [СИГТЯ 2006, 686 – 688]. В «Огуз-наме» одним из трех младших сыновей Огуз-хана назван *Так-хан* /Тау хан/ ‘гора-хан’, наряду с *Гек-ханом* /Kök хан/ ‘небо-хан’ и *Тенгиз-ханом* /Teñiz хан/ ‘море-хан’ [Огуз-наме, 33]. Таким образом, приводимое Рашид ад-Дином имя сына Огуз-хана повторяет аланский антропоним *Candac* /Kandak/ < **Qantay*. Перестановка компонентов в данном случае значения иметь не может, поскольку в обоих антропонимах /тау хан/ и /*qan tay/ оба компонента являются вероятней всего существительными,

потому значения обоих имен тоже практически идентичны: ‘гора-хан’ и ‘хан-гора’. Данная этимология аланского антропонима *Candac* нам кажется наиболее обоснованной. Однако также весьма вероятной представляется версия, согласно которой *can* /**qan*/* в *Candac* представляет собой непроприированный титул, а личное имя Кандака – *Dac*, которое может представлять собой как упомянутые выше онимизированные апеллятивы *day* или *tay* (**qan Day*), так и иные тюркские апеллятивы, например, *toq* ‘сытый’, ‘услада’, ‘утешение (?)’ [ДТС, 576]. Апеллятив *toq* также часто является как компонентом личных имен – *Toq bögüt*, *Toq temir* [ДТС, 576], карач.-балк. антропоним *Toqa* [КБРС, 803], фамильное имя *Toq-lari* [КБРС, 795], восходящее к личному имени родоначальника – *Toq*. Следовательно, *Candac* может собой представлять латинскую транслитерацию тюркского апеллятива *qan* и антропонима *toq*: **qan Toq*. Не исключено также и то, что второй частью анализируемого антропонима является весьма распространенное тюрк. личное имя *Tekä* (*Tekä Baqši*, *Вицаң Tekä* [ДТС, 550], кар.-балк. л.и. *Теке* [КъХХАА, 147], фамильное наименование *Teke-lari* [КБРС, 795]), восходящее к апеллятиву *tekä* ‘козел’ (у тюрк. народов *Теке* не является обидным прозвищем и часто встречается в качестве антропонима): *Candac* < **qan Tekä*. При этом, следует отметить, что формы с не подвергшимся онимизации титулом *qan* могут представлять собой онимизацию их в европейской языковой среде, а не тюркской, поскольку *qan* вместо постпозиции, оказалось в препозиции.

Патрикий: *Патрікіюс* (лат. *Patricius, Patriciolus*). – Юлий Патрикий, сын Флавия Ардавурия Аспара; консул (459 г.) и кесарь (470 – 471 гг.). – римский антропоним (< лат. *patricius* ‘патриций’ [Ал., 166]).

Респендиал: *Respendial*. – Царь аланов в Галлии в 406 г. – сопоставлялось с именем *Ρησπινδιαλος* (Ольвия). Алемань признает маловероятным сопоставление Мюлленхофа с авест. *Spəntođāta-* [Ал., 234]. Не исключено, что имя представляет собой европейскую адаптацию аланского имени, имевшего

несколько иное звучание, поскольку средствами латинской орфографии часто непросто передать «варварские» имена. Первый слог имени (*res-*) может представлять собой тюрк. *irīs ~ iriz* ‘счастье, благосостояние, богатство, состояние, успех’, ‘доля, счастливая доля’, ‘примета, предзнаменование, счастливое предзнаменование, предрассудок’ [ЭСТЯ I, 666 – 667]. С названной формой, вероятно, гомогенно *erāž* ‘спокойствие, хорошее расположение духа, блаженство’ [ДТС, 176], представленное также в др.-тюрк. формах *äriz, ärāz, ärāč* ‘покой, спокойствие’ [ЭСТЯ I, 667]. При передаче латинским письмом форм с узким гласным *i* в анлауте и инлауте (они и являются наиболее распространенными), возникает сложность в обозначении нехарактерного ни для греческого, ни для латинского языков гласного *i* (тюркский *i* близок русскому редуцированному гласному *a* безударных слогов [Дмитриев, 6]), который при нахождении в анлауте иностранцем может не восприниматься как полноценный гласный звук, а его артикуляционные характеристики неотделимы для восприятия иностранцев акустически от характеристик следующего за ним дрожащего переднеязычного сонанта. Потому наиболее вероятно «нулевое» обозначение гласного *i* перед вибрантом *r*; второй гласный *i* (в инлауте) в равной степени мог быть передан посредством латинских букв *e* или *a*, но вряд ли *i*, поскольку переднерядная артикуляция звука, обозначаемого буквой *i*, не соответствует заднерядной артикуляции тюрк. инлаутного *i*, следовательно, нет препятствий к возведению *res* к *irīs*. Второй элемент л.и. *Respendial* – *-pendi-*, судя по всему, представляет собой др.-тюрк. *benğü ~ beñü ~ meñü* ‘вечный’ [ДТС, 94], в личных именах – *Arslan meñü, Meñü temür* [ДТС, 55, 341]. Глухой *p* вместо звонкого *b* в *-pendi-* есть результат прогрессивной ассимиляции глухим сибилантом *s*, находящимся в финали компонента *irīs*, уже в составе антропонима; звукорядом *-nd-* обозначен тюркский среднеязычный (в словах переднерядной огласовки) носовой смычный сонант *ŋ*. Переднерядный гласный *ü* для романских языков нехарактерен, потому мог быть передан близким по рядности и подъему (отличие лишь в отсутствии лабиализации, но в латинском нет огубленного переднерядного гласного) гласным *i*, кроме того, в самих тюркских языках в слове *beñü* в ауслауте встречается как лабиальный *ü*, так и нелабиальный *i*

[ЭСТЯ II, 113 и след.]. И конечный элемент — *-al*, вероятно, представляет собой апокопированный на латинской почве тюркский апеллатив *alp* ‘герой, богатырь, витязь’ [ДТС, 36], часто входящего в состав личных имен и титулов: *Türçi alp taş* [ДТС, 599], *Alp er toᅇa ~ Toᅇa alp er*, *Alp toyrul*, *Alp qutluy*, *Alp tarᅇan*, *Alp tegin* и др. [ДТС, 37]. Таким образом, имя аланского царя Респендиала может представлять собой незначительное искажение тюрк. **İris beᅇgü alp* (> **res beᅇgi alp* > *respendial*) ‘счастье (успех)-вечный герой’ > ‘счастливым (успешным) вечным героем’.

Мнение Алеманя, что элемент *respe-* напоминает роксоланское или сарматское имя *Rasparaganus*, следовало бы подкорректировать с учетом вышеизложенной этимологии имени *Respendial*. Мало сомнений в идентичности первой части обоих имен — *ras = res* (< тюрк. *İris*) + **paragan* < тюрк. причастие прошедшего времени *baryan* от *bar-* ‘идти, отправляться, уходить’ [ДТС, 83]: ‘счастливым (успешно) идущий (шедший)’, либо ‘счастье пошло (к обладателю имени)’. Однако этимологический анализ роксоланских и сарматских личных имен не входит в предмет настоящего исследования.

Самбуда: *Sambida*. — вождь аланов в Галлии в 440 г. — Алемань, отмечая возможную связь с именем армянского царя Сумбата Бивритиана (арм. *Smbat*, груз. *Sumbat*), тем не менее делает вывод, что этимология имени не установлена [Ал., 234]. Однако некоторое внешнее фонетическое сходство аланского имени с вышеназванными, не всегда может свидетельствовать об их этимологической связи, не говоря уже об идентичности антропонима, поскольку в древних источниках часты искажения собственных имен, которые могут привести исследователя к неверным выводам об их происхождении. Л.Г. Лопатинский анализируя в своей Заметке записанные греческим шрифтом имена с найденной в Екатеринодаре плиты, поясняет, что одно из записанных на этой плите имен — *Σαμβατίων* представляет собой диминутив от *Σαμβάτης*, и со ссылкой на Птолемея, отмечает, что последнее представляет собой название народа в Ассирии, и сохранилось как личное имя у армян в форме

Смбат, у «адербеджанских татар» и у грузин [СМОМПК XXII, 71]. Подобную этимологию следует признать ошибочной, поскольку этимология имени армянского царя Смбата действительно восходит к *Σαμβατίων* (у М. Хоренаци *Смбат* восходит к «иудейскому» *Шамбат* [Хорен. I, 22]), но оно представляет собой наименование сказочной реки *Санбатион* (*Саббатион*, *Σαββάτις*, *Самбатион*) в древнераввинской и средневековой еврейской литературе, которая протекает на границе неведомой страны, в которой живут Десять колен Израилевых, и которая в будние дни бурлит и кипит, а по субботам покоится [Евр. Энцикл., ст.: *Санбатион*]. Также В.Я. Петрухин приводит утверждение А.А. Архипова о том, что названия типа *Самватас*, *Самбатион* и т.п., в т.ч. название «киевской крепости» *Самватас*, упомянутой в середине X в. Константином Багрянородным, распространены на окраинах еврейской диаспоры и ассоциируются с именем «субботней» реки талмудических легенд, за которой обретались потерянные десять колен Израилевых, которые не могли до наступления последних времен форсировать реку – поток оружия или камней, покоящуюся только в субботу [Петрухин, 246]. У Гая Плиния характер реки Самбатион соответствует еврейскому преданию (течет 6 дней, прерывая свое течение в субботу), но при этом, у Иосифа Флавия противоположное описание: река *Самбатион* течет бурным потоком только в субботу, а в остальные дни недели она пересыхает [Евр. Энцикл., ст.: *Санбатион*]. Наименование этой реки явно связано с названием субботы в др.-евр. языке. Не исключено, что туда же восходит др.-тюрк. л.и. *Sambun* [ДТС, 483]. Имя аланского вождя может также иметь отношение к названию реки талмудических легенд, однако не исключено также некоторое этимологическое сближение аутентичного аланского имени с вышеназванным онимом благодаря их некоторому фонетическому сходству, поскольку нет сомнений в том, что раннесредневековым авторам, были знакомы еврейские легенды о Самбатионе. В этой связи, явная фонетическая близость имени *Самбида* с легендарным гидронимом *Самбатион* не должно являться безусловной причиной к игнорированию иных этимологических версий.

Можно также предложить несколько версий тюркской этимологии аланского имени *Sambida*. На поверхности лежит двусоставной характер имени: *sam* и *bida*, при этом элемент *sam* может быть возведен как к др.-тюрк. апеллятиву *san* ‘почет, уважение’ [ДТС, 483], к его омониму *san* ‘тело’, ‘часть тела’, ‘бедро, конечность’ и др. [ЭСТЯ VII, 201-202; ДТС, 483], так и к *esän* ‘здоровый, невредимый’ [ДТС, 183], где финальный *n* > *m* в результате регрессивной ассимиляции инициальным смычным *b* второго компонента имени; *bida* может представлять собой искаженный апеллятив *bedük* ~ *bedük* ‘большой’, ‘высокий’, ‘огромный, громадный и др.’ [ДТС, 91; ЭСТЯ II, 288 – 290], подвергшийся в антропониме субстантивации («*великан»), либо (что более вероятно) изафетная конструкция **sanī bedük* ‘его почет велик’, ‘его уважение велико’ > *sambida*. Если же предположить в качестве апеллятива, послужившего основой этого имени, *san* ‘тело, часть тела’, то форма **san(i) bedük* будет иметь значение ‘имеющий крупное тело’. При принятии апеллятива *esän* в качестве первого компонента имени (*esän bedük*), будет значение ‘здоровый (невредимый)-большой’ ~ ‘здоровый (невредимый) великан’ (субстантивация качественного прилагательного в тюркских языках обычна). Апеллятив *esän* в качестве личного имени и компонента л.и. встречается часто: *Esän, Esän buqa, Esän qaja, Esän tegin, Esän temür* [ДТС, 183].

Сангибан: *Sangibanus*. – царь аланов в Орлеане в середине V в. – Объясняется Фасмером как идущее из авест. *saŋha-* + *bānu-* “отличающийся (своим) командованием” [Ал., 235]; Абаевым – как осет. **čangi-ban* “мощнорукий” [ОЯФ I 160 – 161]; Вернадским как “мощный *song*”, где осет. *song* “рука” имеет значение “крыло” в военном смысле («аланский царь Сангибан [Tsongi-bon] мог быть командующим такого соединения или корпуса»); и Хумбахом как “владеющий сиянием небес” (н.-перс. *sang* “камень”, бактр. *asaууε / саууо* “камень, небо”) [Ал., 235]. В осетинском – *song* ‘рука’, ‘ветвь’ [ИЭСОЯ I, 313], что же касается таких значений осет. слова *bon* как “сила”, “богатство” (в составе прилагательного *bonžyn / bongin* ‘богатый’), то они явно вторичны по отношению к значению

“день”, и не имеют когнатов в других иранских языках [ИЭСОЯ I, 265 – 266, 266 – 267], потому вряд ли могут рассматриваться в качестве настолько старой формы, что она могла быть зафиксирована в период раннего средневековья, объяснение же значения имени как «рука-день», вряд ли можно признать убедительным.

Признавая возможность некоторых искажений имени аланского вождя при передаче его Иорданом, следует отметить, что в нем достаточно определенно просматривается название др.-тюрк. титула *saŋun* (~ *säŋün*) [ДТС, 485, 496], который Г.Ф. Благова обозначила как “полководец” [СИГТЯ 2001, 710]. В ДТС встречается целый ряд тюркских имен, в состав которых включен этот титул: *Altun taj saŋun* [ДТС, 40], *Bajna säŋün* [ДТС, 79], *Bars qan saŋun* [ДТС, 84], *Begü tutuq qırqu seŋün* [ДТС, 92], *Čočï böri saŋun* [ДТС, 151], *El kirmiř saŋun*, *El almiř saŋun* [ДТС, 169], *Erk arslan saŋun* [ДТС, 179], *Jegän külük säŋün* [ДТС, 252], *Kün bermiř säŋün* [ДТС, 327], *Saču seŋün* [ДТС, 480], *Toŋa saŋun* [ДТС, 575], *Uruŋu saŋun* [ДТС, 615] и др. Возможно, туда же относится *sayun* ‘титул знатных людей у карлуков’ [ДТС, 481] > л.и. *Ata sayun* [ДТС, 66]. Вторая часть имени **Sangiban* (-us – латинское окончание) может быть искажением тюркского субстантивированного апеллятива *baj* ‘богатый’, часто включаемого в состав др.-тюрк. личных имен [ДТС, 79], либо вторая часть имени представляет собой личное имя *Vajn* или *Vajna*: л.и. *S(i)riř bajn*, *Vajna saŋun* [ДТС, 79]. Последний др.-тюрк. антропоним в обоих элементах совпадает с реконструируемой нами праформой, разница лишь в иной очередности элементов. Смущает в такой этимологии имени **Sangiban* нахождение наименования титула (*saŋun*) в препозиции. Вероятно в данном имени *saŋun* представляет собой не титул (неизвестно, мог ли др.-тюркский титул китайского происхождения существовать у европейских алан), а производное от др.-тюрк. титула личное имя, наряду с *Vajn(a)*, аналогичным образом формировались др.-тюрк. антропонимы *Seŋüj ara* и *Seŋüj tutuq* [ДТС, 496], по-видимому, происходящие от того же титула *saŋun* ~ *säŋün*; онимизированный титул и сам по себе мог служить личным именем как, например, *Seŋä* и *Seŋkä* [ДТС, 495]. Либо нахождение титула в препозиции обусловлено порядком европейским, и в изложении Иордана

мы не вправе были бы ожидать иной формы имени, кроме *титул + л.и.*

Не исключено, что вторая часть имени представляет собой др.-тюрк. апеллятив *kübä* ‘металлические латы, кольчуга’ [ДТС, 322]: **Señüj kübä*; либо *kübän* ‘попона’, ‘ткань, подкладываемая под хомут верблюда’ [там же]: **Señüj kübä*. Однако при принятии данной этимологической версии, более вероятно предположение об отсутствии связи первой части имени с титулом *sañun*, и наличие связи с апеллятивами *sin* ‘туловище, тело, стан’ [ДТС, 503] и *san* ‘тело, часть тела, бедро’ [ЭСТЯ VII, 201]: изафетная конструкция **sanī kübä* ‘его тело в латах (кольчуге)’, либо в переносном значении: ‘его тело — кольчуга (*прочное, как кольчуга)’. В этой связи, с достаточно большой степенью вероятности можно реконструировать **Sangiban-* < **sanī kübä*. Достаточно высока также вероятность происхождения первой части этого имени от др.-тюрк. апеллятивов *sünjü* ‘копье’ [ДТС, 517]; в этом случае налицо взаимосвязь обеих частей антропонима: копье + панцирь (кольчуга), что при имянаречении должно было, наверняка, означать успех в нападении и защите в бою: **sünjü kübä*.

Другое направление поиска этимологии имени аланского правителя Сангибана может быть связано с возможной онимизацией прилагательного *išañili* (кар.-балк.), *išanišli* (башк.), *isancli* (гал.-караим.) и др. с общим значением ‘надежный, верный’ [КБРС, 761; БРС, 674; КРПС, 206] (< *išan* ‘верить, доверять’ [ДТС, 220]). Вторая часть имени, всё же, не имеет бесспорной этимологии, можно лишь предполагать личное имя *Vajñ* ~ *Vajña*, либо искажение тюрк. апеллятива *baj*. С первой частью реконструируемой праформы совпадает приведенное Д. Моравчиком имя отца «монгольского правителя» Тимура (XIV в.) *Σαγγάληζ* /*sangalis*/ (*Σαγγάλεω*) [Moravcsik II, 263].

Эохар: *Eochar* / *Gochari* / *Gothari* / *Goari* / *Gobari* / *Eocharich* / *Eothari*. — Царь аланов в Арморике ок. 445/446 г. — Несмотря

на то, что это имя часто сопоставлялось с *Ѓвар*, Алемань считает более вероятным, что это другая личность (и имя). Широко признанной [Алемань, 122] является этимология В. Миллера формы *Eochar* [еохар] из осет. **jæw-xwar* ‘просоед’ (ОЭ III 96).

Употребление имени этого аланского правителя в разных, достаточно далёких друг от друга, фонетических вариантах (с инициальными *e* и *g*), создает немалые сложности не только в вопросе этимологизации его имени, но и в вопросе его идентификации. Достаточно сказать, что общепризнанная этимология от **jæw-xwar* едва ли допустима с историко-семасиологической точки зрения: аланы исторически засвидетельствованы не как пахари-земледельцы, возделывавшие огородные и злаковые культуры, а как воины и кочевники-скотоводы. В этой связи, прозвище, имеющее значение “*просоед*”, для алана должно восприниматься как уничижительная характеристика его предполагаемого владельца – пахаря-земледельца. Подобное прозвище никак не может быть соотносимо с именем аланского царя. Что касается вопроса его идентификации, то в ряде вариантов формы этого имени (*Gochari / Gothari / Goari / Gobari*), оно слишком тесно смыкается фонетически с именем аланского правителя из Галлии – *Goare*, который был современником Эохара (жил в начале V в.), что вряд ли может быть случайным совпадением. В этой связи, полагаю, что речь здесь может идти об одном и том же аланском вожде по имени *Ѓвар* ~ *Goare* [см. ст. *Гоар*], а поиски этимологии формы *Eochar* вне связи с *Ѓвар*, по причине их ненадёжности, бесперспективны.

Эрманарих: *Ἑρμενάριχος, Ἀρμενέριχος* (лат. *Hermenericus*). — Эрманарих, сын Флавия Ардавурия Аспара; консул в 465 г. — Остроготский антропоним [Ал., 165].

II. Аланские антропонимы в греческих и византийских источниках до XII в.

Арават: *Ἀραβάτης*. — аланский наемник (XI в.) на службе у Исаака Комнина. Упоминается в одном эпизоде с другим аланом — Хаскарисом. — По мнению Вс. Миллера, происходит, от осет.-диг. *ærvadaæ*, ирон. *ærvad* “родич, брат” < *brātā* [ОЭ III, 96]; ср. антропоним *Βραδάκος* < *brātaka-* [ОЭ III, 81; ОЯФ I, 161; ИЭСОЯ II 437 — 439]. Тем не менее, кажется довольно проблематичным возведение личного имени к апеллятиву «брат», в этой связи этимология, предложенная Вс. Миллером представляется натянутой. При этом наиболее обоснованной представляется тюркская этимология имени *Ἀραβάτης* /*arabatis*/ от тюрк. апеллятива *araba* ~ *arba* ‘телега, повозка, бричка, экипаж’ [ЭСТЯ I, 164] (Г. Дёрфер, как и Н.К. Дмитриев, считает *araba* словом тюркского происхождения [Doerfer II, 19 — 23; ЭСТЯ I, 165]) + аффикс деятеля -*čī*, обозначающий “лицо по характеру занятий, действий или привычек” [СИГТЯ 1988, 144], Д. Моравчик признает допустимым обозначение греческой буквой τ тюркского согласного č [Moravcsik II, 35]: *Ἀραβάτης* < **Arabačī* ‘возница, извозчик’. Как тюркизмы *arabačī* и *arabažī* в тех же значениях отмечены и у Г. Дёрфера [Doerfer II, 23]. Личное имя *Арабаджи* отмечено у караимов [КРПС, 674], *Арабачы* как фамильное имя отмечено у гагаузов [Каранфил, 132], а также в качестве названия племени — у туркмен [Атаниязов, 53]. Не исключено, однако, происхождение антропонима от другого тюрк. апеллятива *arba-* ‘завораживать, заколдовывать, заклинать, соблазнять’ [ЭСТЯ I, 168] (Д. Немет считает *arba-* ‘заколдовывать’ относящимся к исконному словарному фонду тюркских языков [ВЯ 1963-6, 127]), для образования отглагольного существительного добавляется масдарный формант -*y*: *arbay* ‘колдовство, волшебство, магия’ + аффикс -*čī*: *arbayčī* ‘колдун, маг’, последняя форма отмечена у Э.В. Севортыяна [ЭСТЯ I, 169].

Ардавурий: *Ἀρδαβοῦριος* (лат. *Ardabur*, *Ardaburius*). — Это имя трех византийских полководцев — членов одной семьи в трех

поколениях: [1] Флавий Ардавурий, отец Флавия Ардавурия Аспара; полководец на Востоке (421 – 422 / 424 – 425 гг.) и консул (424 г.); [2] сын: Флавий Ардавурий Аспар; [3] внук: Ардавурий мл., сын Флавия Ардавурия Аспара; претор (434 г.), консул (447 г.), *magister* или *comes rei militaris* (450/453 г.), патрикий (с 453 г.) и *magister utrisque militiae per Orientem* (453 – 466 гг.), убит в 471 г. – Миллер связывает с осет. *ard* “клятва”, но поясняет, что вторая часть не ясна [ОЭ III 96]; Абаев предложил составное **ard-bewrae* “наделенный многим ард’ом”, указав, что в аланском *ard-* означало “бог” ~ др.-иран. **rta*, **arta* [ОЯФ I, 155 – 156, 159; ИЭСОЯ I, 60 – 62]. Однако значение “бог” для аланского реконструировано самим Абаевым, который при этом ссылается на анонимный «Перипл Понта Эвксинского», где Феодосия названа *'Арда́вда*, «что означает на аланском или таврском языке ‘Семибожный’» [Ал., 147], при том, что подобная атрибутивная конструкция, в которой определение находится в постпозиции к определяемому, абсолютно нехарактерна для осетинского синтаксиса, в котором определение стоит в препозиции, а потому даже если принять *ард* в значении “бог”, то *'Арда́вда* должна была бы означать “божья семёрка”, что само по себе вызывает сомнения в возможности принять осетинскую этимологию этого ойконима. Наряду с этим, очевидна слишком вольная семантическая интерпретация осет.-иран. *ard* (осет.-диг. *art*), которые не имеют в осет. языке значений “бог”, “божество”; в осет. языке у данного слова одно значение: “клятва” [ИЭСОЯ I, 60]. Обращение к материалу других иранских языков (**arta* ‘подходящий, годный, правильный’; ‘правда, истина; священное установление’; “закон” [ЭСИЯ I, 207]) также не дает значений “бог”, “божество”, поскольку лишь в авестийском имеется персонифицированное божество истины, мирового порядка *Аша (aša-)* [ЭСИЯ I, 207], связь последнего с осет. *ard* ~ *art* “клятва” надуманна, поскольку осет. форма восходит к форме со звукорядом *-rt-* в инлауте и значением ‘справедливый, правдивый’ (возможно, к ср.-перс.?). Довольно неопределенно атрибутируется в «Перипле» значение ойконима *'Арда́вда*: то ли речь идет об идентичности аланского и таврского языков, то ли анонимный автор «Перипла» сам сомневается в том на аланском или на таврском языке этот ойконим носит приводимое им значение. Если в

действительности в 'Арбáвда имеем иранские апеллятивы, то возможно, что такое название городу могли дать савроматы (по Диодору Сицилийскому, являвшиеся выходцами из Мидии), а автором «Перипла» ойконим ошибочно атрибутирован (судя по всему, также и ошибочно интерпретирован) как аланский или таврский по той причине, что на тот момент его населяли уже аланы и тавры. Возможная ошибочная интерпретация (искажение значения) ойконима также должна быть связана с тем, что город был населен уже не тем народом, который дал ему наименование.

Алемань отмечает, что на протяжении V – VI вв. антропоним 'Артавоур, 'Артавоу́ριος часто встречается в греческих документах из Египта; Huuse объясняет его как “сын Art'a”, сопоставляя элемент *-voур-* с греч. *Závoур* ср.-перс. *šhpwhry /šābūr/* “сын царя” (Ал., 164), что довольно сомнительно.

При анализе данного имени, обращает на себя внимание второй корневой элемент *-voурi-* ~ *-buri-* (*-oс* и *-us* представляют собой соответственно греч. и латин. окончания), который представляет собой широко распространенный в тюрк. антропонимике апеллятив *börü* ~ *böri* ‘волк’ [см.: Беоргор]. Столь частая онимизация нарицательного имени «волк» не должна удивлять, «“Волк” - поэтическое прозвище богатыря, восходящее к древней тюркской эпической традиции. Отождествление с волком означает, что богатырь храбр, ловок, неустрашим, силен» (СИГТЯ 2006, 719). При достаточно высокой степени надежности реконструкции второго корневого элемента – *börü* ~ *böri*, в отношении первого элемента возможны различные варианты, в числе которых могут быть как оним + *böri*, так и апеллятив + *böri*. Г.Ф. Благова реконструирует: 1) компонент личного имени **böri*; 2) модель сложносоставных личных имен **«böri* + имя (чаще – сословный титул)»: *Čoči böri saḡun*, *Böri bars*, *Börü baj*, *Büre хан* и др. [СИГТЯ 2001, 642], а также *er böri* [ДТС, 118]. Так, среди др.-тюрк. антропонимов отмечены личные имена *Arda* [ДТС, 51] и *Arti inal* [ДТС, 57], вероятно, производные от тюрк. апеллятива

art ‘нагорье, гора, горный хребет; горный перевал’ [ДТС, 55; ЭСТЯ I, 179]: ‘*Ἀρδαβοῦριος* ~ *Ardaburius* < **art-a-börü* (**art-a-böri*) (анаптиксис гласного *a* в положении между *-rt* и *b-*, поскольку тюрк. фонетика не терпит скопления трех согласных) < **art börü* (**art böri*) ‘горный волк’; но при этом также не исключено, что к существующему имени *Arda* [ДТС, 51] было прибавлено *böri* ‘волк’ для качественной характеристики носителя этого имени: **Arda-böri*. Однако, на наш взгляд, наиболее вероятно предположение, что часть корня имени представляет собой *orta* ‘средний’ [ЭСТЯ I, 474-475; КБРС, 502]: ‘*Ἀρδαβοῦριος* ~ *Ardaburius* < **orta börü* ‘волк средних размеров’. Использование альфы для обозначения целого ряда гласных звуков в тюркских именах, надежно засвидетельствовано Д. Моравчиком [Moravcsik II, 31] и О. Менхен-Хельфеном, который отметил: «Только собрав все транскрипции, от самых ранних до последних, и независимо от языка автора, от классического чистого греческого до вульгарных разговорных форм, можно сказать, что *a* (альфа) представляет *a*, *o*, *u*, *e*, *ä*, *i*, *ï* в тюркских именах» [Менхен-Хельфен, 365].

Аспар: ‘*Ἀσπάρ* (лат. *Aspar*), *Fl. Ardabur Aspar*. — Флавий Ардавурий Аспар, аланский полководец на Востоке, *comes* и *magister utrisque militae* (431 — 471 гг.), консул (434 г.) и патрикий (с 451 г.), сын Флавия Ардавурия, отец Ардавурия младшего, Арменариха и Патрикия, убит в 471 г. — Алемань приводит две альтернативные версии, не выделяя ни одну из них: согласно первой имя сопоставляется с др.-иран. **aspaḇāra-* > др.-перс. *asabāra-*, ср.-перс. *aswār* “всадник” [Ал., 165]; вторая же — гипотеза Абаева, основанная на реконструированном им скифо-сарматском **spar-* > осет.-дигор. *æfsærun* ‘наступать, нападать’ [ОЯФ I, 182; ИЭСОЯ I, 483; Ал., 165] слабоаргументированна. Для принятия гипотезы Абаева наличие метатезы *-sp-* > *-fs-* [о таком направлении метатезы см.: ОЯФ I, 213 и ИЭСОЯ I, 483] не является препятствием. Что же касается протезы *æ* при скоплении согласных (в данном случае *fs-*) в анлауте [ОЯФ I, 215], то она возникла в дигор. диалекте, по всей вероятности, в условиях Кавказа (как и многие другие фонетические различия осетинских диалектов [ОЯФ I, 362-363]), возможно, под тюрк. влиянием (М.И. Исаевым даже возникновение увулярного глухого *q* в

осетинском языке связывается с тюркским влиянием [Исаев, 15]), поскольку ирон. диалект не обнаруживает подобной фонетической особенности в аналогичных условиях [ИЭСОЯ I, 479 – 485]. Абаев также не обнаруживает протетический гласный в скифском (кроме редких случаев перед согласным *r*) [ОЯФ I, 215]. В тюрк. же языках появление протетического гласного при стечении согласных в анлауте, а также перед сонорными *r* и *l* – явление регулярное [Гузеев, 52]. Потому появление этого фонетического явления в дигор. диалекте уже V в., на наш взгляд, сомнительно, как сомнительно и разделение праосетинского на диалекты в этот исторический период (Абаев лишь приводит мнение Х. Скёльда о наличии в IX в. «некоторых фонетических расхождений» между ирон. и дигор. диалектами [ОЯФ I, 362]). Кроме того, принятию гипотезы Абаева мешает так же и то, что осет.-дигор. *æfsær-* ‘наступать, нападать’ представляет собой лишь глагольную основу, для субстантивации которой необходимо первоначально перевести в форму причастия – «наступающий, нападающий», для чего добавляется суффикс *-æg* [ГООЯ, 63]: *æfsæræg* (такое имя существует в осетинском антропонимиконе [Гагл. ОФЛИ, 36, 90]).

И.М. Мизиев и А.М. Байрамкулов выдвинули гипотезу о происхождении имени аланского царя от карач.-балк. апеллятива *ospar* ‘гордый, надменный’ [Байр., 139], ‘гордый, благородный’ [Мизиев 1990, 418]. Такой апеллятив в карач.-балк. языке существует в значениях ‘самонадеянный, самодовольный’ [КБРС, 504], ‘грубый, непочтительный, дерзкий’ [ТСКБЯ II, 1075]. Однако этимология апеллятива *ospar* достаточно тёмная: аналитическая конструкция *us(u) bar* ‘имеющий гонор’ (где *us* ‘норов, нрав’ [КБРС, 687] + *bar* ‘имеющийся, наличный; существующий; богатый, изобильный’ [КБРС, 117]) хотя и выглядит вполне приемлемой в плане семантики, но представляется искусственной как по причине редкости в тюрк. языках подобных аналитических конструкций с причастием *bar*, так и в связи с тем, что в карач.-балк. языке уже существует производная от *us* синтетическая форма *uslu* ‘с норовом (о человеке)’, ‘упрямый, своевольный,

неуравновешенный, капризный' [КБРС, 687]. По аналогичной причине трудно принять в качестве основы и стяжение *os < *o:s < oyuš ~ oyuš 'род, племя; каста; класс, порода' [ДТС, 365] + bar *'имеющий (благородное) происхождение'. Не исключена связь карач.-балк. *ospar* с киргизскими *asaba* 'высокий, огромный' [КРС I, 74] или *ozbur* 'жадный' [КРС II, 61], а также с казах. *ospadar* 'грубый, бесцеремонный' [Каз.РС, 362] и тув. *оспаксыраар*, *оспаксыра* 'чувствовать себя посторонним, держаться в стороне, уединяться', 'отрываться', *оспаксыргай* 'нелюдимый, замкнутый, избегающий встречи с людьми (о человеке)' [Тув.РС]; неизвестны возможные взаимоотношения с казах. *asqaq* 'вельможа; заносчивый, надменный, недоступный' [Каз.РС, 57] (не представляет ли собой казах. слово частичную апеллятивацию тюркского имени Тамерлана – *Aqsaq Temir* с метатезой -sq- < -qs-?). При этом фонетическое сходство при близости значений с тув. *a:spiraq* 'грубый, несдержанный в разговоре (обычно о детях и молодых людях)', 'красноречивый', видимо, случайно [ЭСТув.Я I, 42 – 43]. Тем не менее, связь карач.-балк. апеллятива *ospar* с обозначенными киргизскими, казахскими и тувинским гипотетична, а возможность онимизации (*Aspar* <) карач.-балк. апеллятива, всё же, неочевидна, поскольку мы не можем достоверно обозначить время возникновения в карач.-балк. языке названного слова, тогда как антропоним *Aspar* зафиксирован в V в.

Что же касается принятия в качестве основы для образования аланского имени *Aspar* ср.-перс. *aswār* "всадник", то при отсутствии фонетических или семантических препятствий такой онимизации ср.-перс. апеллятива, препятствием к принятию этой этимологии является наличие имени болгарского правителя Аспаруха, зафиксированного в источниках в различных фонетических вариантах: 'Аспароух ~ 'Апароух ~ Исперих ~ Есперих ~ Испор'царь ~ *Aspar-hruk* [Moravcsik, 75-76]. Имена аланского и болгарского царей фонетически неотделимы друг от друга и, судя по всему, происходят от общей основы (однако Абаев полагает, что они гетерогенны и пытается оба имени вывести из разных осетинских апеллятивов [ОЯФ I, 157, 182]), несмотря на то, что

их отделяют две сотни лет, потому их этимологии следует разбирать совместно.

В приведенных формах имени болгарского правителя вариант с широким *a* в анлауте здесь маргинальный и связанный с неточной греческой транслитерацией гласных тюркского онима, что нередко отмечается для греческого, очень часто передающего альфой почти все виды гласных звуков, в числе которых *e*, *i*, *ī* [см. Ардавурий; Moravcsik II, 31]. В свою очередь, форма *'Απαρούχ* явно ошибочна – здесь пропущена сигма, а латин. транслитерация *Asparuch* сделана Анастасием с греческой формы *'Ασπαρούχ*, потому основными можно считать варианты с узким *i* и полуузким *e* (тем более, что именно формы *Исперих* и *Есперих* отражены в «Именнике болгарских князей»), при том, как заднерядные, так и переднерядные варианты все, кроме *Испор'царь*, подчиняются нёбной гармонии, обычной для тюркских слов; при этом *Испор'царь* не включает в себя последний слог, представленный в трех вариантах, что дает лишний повод считать последний слог дополнительным элементом, не являющимся неотъемлемой частью корня антропонима. Учитывая общепризнанность тюркской этнической принадлежности правителя болгар Аспаруха (Испериха), не может вызвать серьезных возражений тюркская этимология последнего элемента этого имени – *о́ух* [*ux*], где буквенным знаком *x* мог быть обозначен тюркский увулярный смычный глухой *q*, отсутствующий в европейских языках. Тюрк. *uq* 'род, племя, происхождение', 'порода, сорт', потомство', 'имя' [ЭСТЯ I, 582] (карач.-балк. *oq* 'физиол. семя' [КБРС, 493] не учтено в ЭСТЯ): *'Ασπαρούχ* ~ *Исперих* и др. – *****потомок Аспара (Испера ~ Еспера)". Зафиксированное в новом Списке «Ашхарацуйц» относящееся к болгарскому правителю имя *Aspar-hruk* (Moravcsik, 76) представляет собой дополнительное свидетельство того, что второй элемент имени носит значение "потомок", поскольку *hruk* явно представляет собой некоторое искажение уже другого тюрк. апеллятива со схожим значением – *uruu* 'зерно, семя, косточка', 'род, потомство', 'клан' [ДТС,

615; Doerfer, 47-52], но оно (*Aspar-hruk*) явно было заимствовано из византийского источника.

И.С. Чичуров в комментариях к «Хронографии» Феофана произвел анализ этимологических версий имени *'Ασπαρούχ*: Д. Моравчик приводит этимологию имени из тюрк.-болг. *Esperüx / Ešberüx*; Ф. Альтхайм – Х. Хауссиг возводят предположительно к алтайск. **išparaoq* из *išpara* и *oq* (отряд всадников); надпись второй половины I – первой половины II вв., найденная в Мцхете (*'Ασπαρουκίς πιτιάξης*), так же объясняется ими из др.-тюрк. **išparaoq*, т.е. ‘тот, чье племя (oq) - всадники’; Д. Немет склоняется к османо-тюрк. этимологии, согласно которой имя Аспарух восходит к османо-тюрк. *ispäri / äspäri / isbäri* – сокол [Чичуров, 115]. О. Менхен-Хельфен обозначил эту этимологию Д. Немета как «довольно-таки привлекательную» [Менхен-Хельфен, 370]. К сожалению, сами работы Д. Немета «Произходътъ на имената “Кобратъ” и “Есперюхъ”» и Ф. Альтхайма – Х. Хауссига «Die Hunnen in Osteuropa» нам недоступны, вследствие чего мы не имеем возможности произвести критический анализ этимологических версий, приведенных в этих работах. В этой связи, вынуждены предложить собственные этимологии этих имен.

Еще одно направление поиска может быть связано с выяснением возможной онимизации прилагательной основы *išpaj / sipaj / išpajī / sipajī / subaj / ispa*, обладающей перечнем позитивных значений – ‘красивый, скромный, аккуратный, опрятный, вежливый, деликатный, учтивый, изящный, стройный, статный, благородный, солидный’, и имеющей распространение в различных тюркских языках (чуваш., татар., башк., туркм., як., кирг., казах., калп., ног., кумык., кар.-балк., крым.-караим.) [Ег. ЭСЧЯ, 182; Фед. ЭСЧЯ II, 26; БРС, 673; Туркм.РС, 606; РЯС, 581; КРС II, 182; Баск. Калп., 380; НРС, 429; Кум.РС, 154; КБРС, 572; КРПС, 651]. Точка зрения К.К. Юдахина о гомогенном и заимствованном в целом характере омонимов *sipajī ~ sipaa* 1) ‘уст. воин Кокандской армии’, ‘чиновник в Кокандском ханстве’; 2) ‘благородный (высокой нравственности, честный), благовоспитанный’; ‘утонченно-вежливый’, скорее всего, необоснованна: вторая группа значений сближает кирг. слово с

иными тюркскими, приведенными выше, в отношении которых ни В.Г. Егоровым, ни М.Р. Федотовым не выдвинуто версий об их возможном заимствованном характере [Ег. ЭСЧЯ, 182; Фед. ЭСЧЯ II, 26], а первая – с крым.-караим. *israxi*, *israxi* ‘всадник, наездник’ [КРПС, 207, 652]. Совпадение кирг. омонимов по форме, привело автора словаря к ошибочному выводу о гомогенности обеих групп значений. В крымско-караимском же, напротив, имеется чёткое фонетическое противопоставление *israxi* / *israxi* и *ispa*. При участии существительного-основы *er* ‘мужчина, муж’, имеем *Aspar* < **israj er* / **sipaj er* / **ispa er*. Тюркский гласный *i* фонетически наиболее близок русскому редуцированному *a* [Дмитриев, 6], потому возведение латинского анлаутного *a* в имени *Aspar* к тюркскому *i* не встречает никаких возражений. То, что основой как для болгарского, так и для аланского имени могла явиться нейотированная форма, которая сама по себе маргинальна и, вроде бы, зафиксирована лишь в крым.-караим. языке, а также то, что имя, образованное от этой основы, не имеет достаточного распространения среди др.-тюрк. антропонимов, мешает нам принять безоговорочно и эту версию происхождения аланского и болгарского имен.

При этимологизации как болгарского имени Исперих / Есперих, так и аланского Аспар, следовало бы, на наш взгляд, обратить более пристальное внимание на др.-тюрк. титул *isbara* ~ *išbara* ~ *išbaraš*, который имел значительное распространение в др.-тюрк. языковой среде. Происхождение этого титула достаточно прозрачно и ведет к санскр. *īśvará* ‘господин, повелитель’, ‘хозяин, владелец’, ‘Бог, Всевышний’, ‘супруг’, ‘Владыка – эпитет Шивы’ [Clouston, 257; ДТС, 220; Скр.РС, 111]. В др.-тюрк. антропонимиконе встречаются такие имена, включающие этот элемент, как *Irbis išbara žabyu хауан*, которое Г.Ф. Благова разъяснила как ‘Снежный барс жестокий // могучий старейшина-хан’ [СИГТЯ 2001, 667], а также имена *İšbara čiqan küli čur*, *İšbara bilgä küli čur*, *İšbara jamtar* [ДТС, 220], и *išbaraš* достоверно зафиксирован как др.-тюрк. титул на памятнике Моюн-чур (‘Селенгинский камень’) [там же]. С наиболее достоверными формами имени болгарского правителя

– Исперих/Есперих др.-тюрк. *isbara* ~ *išbara* объединяет узкий анлаутный гласный при бесспорной фонетической близости, но несколько мешает полной идентификации заднерядный характер гласных в др.-тюрк. титульном наименовании и их переднерядный характер в имени болгарского правителя; но обе формы сближает *Испор-царь*, лишенная тюркской гармонии гласных и, возможно, представляющая собой промежуточную форму, переходную от *isbara* к **isper*. В отношении идентификации аланского антропонима *Aspar* (**isbar* ~ **išbar*) с др.-тюрк. титулом такой сложности не возникает. Именно данная этимология аланского и болгарского антропонимов, на наш взгляд, может считаться наиболее предпочтительной.

Гоар: *Гóар / Goare*. – Аланский вождь в Галлии в начале V в. – В науке утвердилась этимология В. Абаева *go-ar* “добывающий скот” (но у В.с. Миллера [ОЭ III, 96]: не-иранская этимология). Хумбах предлагает др.-иран. **gau-bāra-* ‘ездок на быке’, как Аспар < **aspa-bāra* [Ал., 165]. Из-за варианта *Gochar* рассматривалось как идентичное *Eochar* [там же]. По нашему мнению, *Eochar* действительно является фонетическим вариантом имени *Гóар*.

На тюрк. почве не существует каких-либо видимых препятствий для выведения этого имени из тюрк. причастия будущего времени *quwar* прогоняющий; преследующий глагольной основы *qov-* ~ *qow-* / *quv-* ~ *quw-* ‘гнать, прогонять’, ‘преследовать’ [ДТС, 461, 462, 475; ЭСТЯ VI, 7 – 8; КБРС, 431 и др.]. В тюрк. языках причастная форма на *-ar* (*-er/-ir/-ur/-ür*) высокопродуктивна в плане образования антропонимов. В СИГТЯ 2001 приведен небольшой перечень личных имен отглагольного образования, в числе которых также онимизированные причастия на *-ar*: казах. *Turar* (< *tur-* ‘стоять, пребывать’) [СИГТЯ 2001, 694], татар. *Tuqtar*, ног., казах. *Toqtar* (< *toqta-* ‘останавливаться’) [там же, 695], калп. *Kün Tu(w)ar*, *Aj Tuwar* (< *toy-* ‘рождать’, ‘рождаться’), ср.-кыпч. *Tapar* (< *tap-* ‘находить’) [там же, 699], *Qačar* (< *qač-* ‘бежать, убежать’) [там же, 701]; также карач.-балк. *žāšar* (< *žāša-* ‘жить’), *Ozar* (< *oz-* ‘опережать, обгонять’), *Toxtar* (< *toxta-* ‘останавливаться’) [КБРС, 801, 803]. По такой же схеме образовано и аланское имя *Qowar* ~ *Quwar* ‘прогоняющий,

преследующий’, получившее в греч. и лат. транслитерации формы *Γώαρ*, *Goare* и др. [см. *Эохар*]. О верном направлении поисков основы этого имени свидетельствует и имя находившегося на службе у короля Алариха II, правителя Тулузы, чиновника, обозначенное Б. Бахрахом как *Гоерик* и *Гойарик* и связанное, по его мнению, с аланским антропонимом *Гоар* [Бахрах, 42]. Так, приведенная Б. Бахрахом форма является причастием будущего времени *qowariq* ~ *qiwariq* от того же глагола – ‘(тот), кто будет прогонять’, ‘(тот), кто будет преследовать’. Онимизация причастия будущего времени на -*ariq* (с разными фонетическими вариантами в соответствии с законом гармонии гласных) в тюрк. языках также достаточно распространена: л.и. *Ozaruq* (< *ozariq* ‘(тот), кто будет опережать, обгонять’) [КБРС, 203], родовое имя *Sozaruq* (< *sozariq* ‘(тот), кто будет растягивать’) [КБРС, 795]. По аналогичной схеме образовано и имя *Гоерик* (<**Qowariq*), отмеченное Б. Бахрахом.

Иоанн: *Ἰωάννης*. – алан (XI в.) при византийском дворе. – христианский антропоним еврейского происхождения (греч. *Ἰωάννης* < евр. *Yōhānān*) [Ал., 319].

Ирак: *Нракас* – главный аланский переводчик (II – III вв.); надпись из Пантикапея. – Алемань приводит достаточно спорное мнение ряда исследователей, что в данном случае греческий *η* произносится с итацизмом /*irakas*/, и происходит от **aryaka-* [Ал., 165], но приводит при этом, противоречащее этого, но также не менее спорное суждение Абаева о невозможности др.-иран. **ary* > алан. **ir* [там же]. Обоснование возможности и даже закономерности подобного рода изменения приводит другой осетинский исследователь Т.А. Гуриев [Гуриев 1962]. Что касается попыток связать как этноним алан, так и личное имя *Нракас* с ариями, то оно наталкивается на одно непреодолимое препятствие: в «Шахнаме» Фирдоуси аланы связываются с убийцами Ираджа, чем, по мнению, А. Алеманя определяется их «туранский» характер в эпосе [Ал., 456]. Соответственно, носить этноним *ary* аланы вряд ли могли, как не могли его носить и другие

эпические «потомки» Тура, как бы мы ни определяли их языковую принадлежность. Положение усугубляется еще и тем, что в «Шахнаме» «туранцами» именовались неиранские народы – эфталиты и тюрки [там же], потому возможно анахронистическое распространение имени Туран на современных Фирдоуси (X в.) алан и гузов, тем не менее, определяет языковую принадлежность этих народов не в ретроспективе, а в современном для Фирдоуси состоянии, то есть, по состоянию на X в.

Итацирующая форма имени *Иракас /Irakas/*, где *-ас* может представлять собой греческий формант, встречается в качестве тюрк. л.и. в «Огуз-наме» в форме *Ирак-кул /Iraq qul/* [Огуз-наме, 20]. Довольно сомнительно, что это может являться формой названия тюркского племени *iyraq / oyrac* [ДТС, 218], хотя и не исключено. Однако, гораздо более обоснованной может считаться этимология имени (в т.ч. и аланского) от др.-тюрк. *iraq* ‘далёкий’ [ДТС, 219] – значение вполне, на наш взгляд, приемлемое для прозвища (?) переводчика, возможно, посещавшего дальние края, где и он и мог овладеть иностранными языками. Но, разумеется, это лишь общее умозаключение, направленное на поиск взаимосвязи апеллятива, от которого образовано прозвище (?) и профессии лица. В том же случае, если это было не прозвище, а личное имя, то оно могло быть никак не связанным с апеллятивным значением.

Если же принять за основу этацирующую форму антропонима *Иракас /Erakas/*, то тут напрашивается тюрк. апеллятив *erk / erik* ‘воля’, ‘право’, ‘сила, могущество, влияние, мощь’, ‘крепкий, сильный’, ‘бодрый, живой, энергичный’, ‘стремительный’ и др. (альфа во втором слоге не должна смущать [см. *Ардавурий*]). Имеются и др.-тюрк. антропонимы с этим компонентом: *Erk arslan sajun* ‘могущество-лев-полководец’ [СИГТЯ 1989, 713].

Однако этим возможные варианты этимологии вряд ли могут быть исчерпаны, поскольку византийцы часто считали окончания имён *-an* и *-in* греческими окончаниями винительного падежа [Менх.-Хельф., 366], а потому могли в

«именительном падеже» вместо этих окончаний написать соответственно *-ας*, *-ις* или *-ης*. Потому *Ηρακας* в действительности могло иметь также форму **Ηρακαν* (О. Менхен-Хельфен поясняет, что, например, *Ἡσλας* может представлять собой греческую транскрипцию следующих имен: *Esl*, *Esla*, *Eslas*, *Ešl*, *Ešla*, *Ešlas*, *Ešlaš*, *Eslan* и *Ešlan* [Менх.-Хельф., 366]). О возможности подобной формы см.: Менх.-Хельф., 366]. При принятии итацирующей формы, мы можем здесь иметь производное от др.-тюрк. *irkin* ~ *irkän* ~ *erkin* ‘титул’ [ДТС, 212, 180]; если же принять этацирующую форму, то здесь возможна двухэлементное **er qan* ‘мужская (мужественная) кровь’ (*er* и *qan* часто являются компонентами мужских личных имен [ДТС, 175, 416 – 417]), либо **erk qan* ‘сильная кровь’ [ДТС, 179] (*erk* также может являться компонентом мужских личных имен – *Erk arslan sanjun* [там же]). Альфа между *ρ* и *κ*, вероятно, представляет собой анаптикис, обычный между двумя согласными в тюркских языках.

Ирина: *Εἰρήνη*. – Жена Исаака Комнина (XI в.), дочь аланского царя. – христианский греческий антропоним (греч. *εἰρήνη* ‘мир’) [Ал., 318].

Итаксий: *Ἰταξη* (в дат. падеже) / *Ἰταξή* / *Ἰταζή* / *Ἰταζί*. – аланский владетель в начале VIII в. – Миллер [ОЭ III, 96] сопоставил вариант *Ἰταζή* с осет. *idædz* ‘вдовый’, но А. Алемань поясняет, что это слово в отдельности означает не “вдовец” (было бы *idædz læg*), а “вдова”, и что было бы правильнее усматривать здесь иранский титул ср.-перс. *bythš*, гр. *πιτιάξης*, арм. *bdeašx*, груз. *pi-/patiaxši*, сир. *ptaxša*, etc. [Ал., 319].

Несмотря на определенную степень условности обозначения ударения в греческой передаче иноязычных слов, в т.ч. имен, акцентирование именно последнего слога в имени *Itaksi* / *Itazi* может иметь отношение к форме тюрк. имен, в которых ударение всегда падает на последний слог. Перебой *-ksi* – *-zi* вероятнее всего явился результатом попытки

греческим шрифтом обозначить несуществующий в греческом языке звук, возможно, аффрикаты \check{c} или \check{z} [В отношении $\zeta = \check{z}$ см.: Moravcsik II, 33]. О. Менхен-Хельфен в свою очередь приводит свои расшифровки гуннских имен в греческой передаче, в которых $\zeta = \check{c}$: $\text{Ἐλμινζούρ} < *Elmin\check{c}ur$, $\text{Κούτιλζις} < *qut-il-\check{c}i$ или $qut-el\check{c}i$ [Менх.-Хельф, 392 – 393]; и $\zeta = c$: $\text{Ζόλβων} < *colban / *colbon / *solbon$ [Менх.-Хельф., 395]. Вследствие чего, в вариантах с конечным $-\zeta\eta \sim -\zeta i$ обоснованно видеть тюрк. аффикс $-\check{c}i / -\check{c}i$, а варианты с $-\zeta\eta$ могли дополнительно отразить гуттуральный согласный финали корня. Что касается значения этого форманта, то, по мнению Э.В. Севортына, существительные на $-\check{c}i$ приближаются к производным на $-li$, означая, как и последние, свойства лица или предмета; это отражено в приводимых им примерах: *инадчы* ‘упрямец’ от *инад* ‘упрямство’ по характеру значения весьма близки к прилагательным типа *абырлы* ‘стыдливый, нравственный, приличный, порядочный’ от *абыр (обру)* ‘стыд’ [СИГТЯ 1988, 145]. Остальные значения аффикса $-\check{c}i$ появились позднее в результате его исторического развития [там же]. Корнем апеллятива, образовавшего оним *Ita\check{z}i \sim Ita\zeta\eta*, может быть др.-тюрк. *idiq* ‘святой’ (в ДТС – *idug* [ДТС, 217]): $*idiq\check{c}i$ ‘обладающий святостью’ [О возможности отражения альфой гласного i см.: Moravcsik II, 31]. Возможна версия, связанная с отглагольным существительным, имеющимся в ряде тюрк. языков – *idiq* ‘гонение, притеснение’ [КРС II, 424] ($< it-$ ‘толкать, толкнуть, двигать’ [ДТС, 215; Радлов 2.1., ст. 1500] $>$ *itiklä* ‘подгонять, возбуждать’ [Радлов 2.1. ст. 1503]): $*idiq\check{c}i \sim *idik\check{c}i$ ‘гонитель, притеснитель’. Не исключено также, что аланское имя *Ita\zeta\eta* имеет общее происхождение с др.-тюрк. личным именем *Idägä* [ДТС, 203]. Возможно объяснение в виде изафетной конструкции: *Ita\zeta\eta* $< *idiq ijäsi$ ‘собственник святыни’ (*ijä* ‘хозяин, господин’ [ДТС, 205]), а также реконструкция в форме $*etig\check{c}i$ ‘способный, умелый, деловой’ ($<$ др.-тюрк. *etig* ‘дело’, ‘приготовление, устройство, строение’ [ДТС, 187]).

При рассмотрении вариантов с инлаутным ζ : *Ita\check{z}i \sim Ita\zeta i*, обращает на себя др.-тюрк. лексема *idiš \sim idiš* ‘сосуд, чаша’ [ДТС, 203], фонетически безупречная (шипящие тюрк. языков передаются греческими буквами, обозначающими сибиланты

[Mogavcsik II, 33]). Высока также вероятность образования рассматриваемого антропонима на основании др.-тюрк. апеллятива *ediz* ~ *eđiz* ~ *idiz* ‘высокий, возвышенный’ [ДТС, 163, 165, 203; ЭСТЯ I, с. 224], с которым, видимо, связано *ediz* ‘подразделение огузов’ [ДТС, 163].

Росмик: *Ῥωσμίκης*. – Эксусиократор Алании в начале XII в. – А. Алемань [Ал., 320] считает, что начальный элемент *ρωσ-* представляет собой реминисценцию *ρωξ* в названии роксоланов; ср. греч. *Ῥωσάκης* (~ *Ῥοις*~) и элам. *Rauzaka*, *Ruzzaka*, за которым, видимо скрывается др.-перс. имя *rauša(h)-ka-*, как и осет.-дигор. *roxsnæg* ‘розовый, румяный’ < **rauxšnaka-* [ИЭСОЯ II, 424]; однако Миллер полагал, что имя это неиранского происхождения [ОЭ II, 96]. С точкой зрения Вс. Миллера в данном случае следует согласиться. Вероятней всего оно представляет собой греческую передачу имени одного из главных героев карач.-балк. варианта нартского эпоса *Örüztek* < *ör* ‘высота, вершина, верх’ [КБРС, 279] + *üztek* ‘сорванный, оторванный (но в субстантивной форме, которую русский перевод не предполагает)’ (< *üz-* ‘рвать, отрывать’ [КБРС, 781] + аффикс *-tek*, называющий качество [Хабичев, 135]). Этимология личного имени нартского героя Ёрюзмека полностью согласуется с легендами о его рождении от хвостатой звезды, которая «пролетев [по небу], упала очень далеко, между двух огромных гор... Огляделся [Дебет] и увидел огромную яму, а в середине ее – расколовшийся надвое большой синий камень. Внутри его [лежал] младенец-богатырь» [Нарты КБ, 308 – 309].

Сарой: *Σαρώης* / *Σαρώσιος* / *Σαρώδιος*. – царь аланов Кавказа (ок. 557 – 573 гг.) – Считается производным от осет. *sær* ‘голова’, подобно именам *Σαρακος* (Танаис), *Σαραξασος* (Ольвия) *Σαρικη* (Пантикапей) и др., а также имени представителя династии *spāhbedān* Гиляна и Табаристана *Sārūye* (VIII в.) [Ал., 320]. В.И. Абаев считает, что имеет место осетинское *særoj* ‘головастый’ [ОЯФ I, 180], а по мнению Г. Вернадского, имя отражает титул главы аланской конфедерации *sar-u-osağ* [Камб., 223]. Разные формы имени,

отраженные в разных источниках: у Феофана – *Σαρῶης* /sarois/ – с одной стороны, и у Менандра – *Σαρῶσιος* /sarosios/, *Σαρῶδιος* /sarodios/ – с другой, полагаю, не должны вводить исследователя в заблуждение, поскольку речь, судя по всему, идет об одном и том же человеке. Следовало бы отметить несколько небрежный подход Менандра Византийца в отражении имени аланского правителя – в двух разных формах (*Σαρῶσιος* и *Σαρῶδιος*). В связи с тем, что все три варианта антропонима представляют собой аллонимы, принять одновременно этимологическую версию В. Абаева и Г. Вернадского вряд ли возможно, поскольку в первом случае «голова» в прямом значении и представляет собой некую физическую характеристику обладателя этого имени, а во втором – в переносном, и представляет собой не личное имя, а титул; при этом следует отметить, что такой титул у алан не зафиксирован в письменных источниках, а потому спорна сама постановка вопроса о его наличии. Версия В. Абаева основывается на использовании малопродуктивного суффикса -ой, который, к тому же, имеет три различных значения, два из которых – противоположны друг другу: 1) обозначение названия предмета по сходству с другим предметом, например: *сагой* ‘вилы’ (от *саг* ‘олень’, вилы сравниваются с рогами оленя); 2) обозначение названия лица, имеющего физический недостаток, например: *цонгой* ‘не имеющий одной руки’ (от *цонг* ‘рука’), *гонпой* ‘безголовый’; обозначение обладания каким-нибудь свойством, качеством в именах образованных от некоторых глагольных основ и прилагательных, например: *сайæгой* ‘обманщик, лгун’ [Багаев I, 168]. Сам В. Абаев приводит и такие образования, как *былой* ‘губастый’ (*был* ‘губа’), *сæтой* ‘слюнтяй’ (*сæт* ‘слюна’), но при этом отмечает, что этот суффикс может указывать как на сильную степень какого-либо признака, так и на отсутствие чего-либо [ГООЯ, 117]. В примерах, приводимых В. Абаевым, не фигурирует *сарой* в значении «головастый», что наталкивает на мысль, что подобная форма искусственна для осетинского языка. Дуализм значений этого форманта может дать как «головастый», так и «безголовый», но излишне вульгарный характер обоих противоположных значений, мешает принятию гипотезы о наличии у аланского царя такого имени.

При этимологическом исследовании имени *Σαρῶης / Σαρῶσιος / Σαρῶδιος* бросается в глаза основа *Σαρῶ-* /*saro-*/, представляющая собой онимизированный др.-тюрк. апеллатив *sariy* ‘жёлтый, бледный’ [ДТС, 488; Clauson, 848] ~ *sari* ‘жёлтый, русый, блондин, рыжий’ [ЭСТЯ VII, 220]. Апеллатив *sariy* имел значительное распространение в др.-тюрк. антропонимии: *Sariy čur*, *Sariy saman*, *Sariy tojiñ*, *Iktü sariy baš* [ДТС, 488]. Мужское л.и. *Sari* до сих пор встречается в антропонимике современных тюрк. народов: кар.-балк. л.и. *Sari*, *Saribaš* [КБРС, 803, КБИФ, 114], *Saralib* (~ *Sari alp*), *Saribij* [КБИФ, 114], *Sarajaq* (*Sarijaq*), *Saraslan* (*Sariaslan*), *Saraxan* (*Sarixan*), *Saržan* (*Sarižan*), *Saribitda*, *Sarižaš*, *Sarikiši*, *Sarimirza*, *Sariqintaj*, *Sariqiz*, *Sariquš*, *Saritaš*, *Sariwaj*, *Sarukgu* (*Sarikku*) [КъХХАА, 140]; у иных тюрк. народов: хак. *Sariy-ool*, гаг. *Sar-saman*, татар., башк., кирг., алтайск. *Sari baš*, ног. *Sari bas*, тур. *Sari beg*, *Sari han*, ккалп. *Sari baj*, казах. *Sari baj*, *Sari apa*, алтайск. *Sari qa:n* и др. [СИГТЯ 2001, 682]. Такого рода имена давались как правило светловолосым, либо рыжим, что дает основание предполагать, что в имени аланского правителя отражены его антропологические характеристики в момент имянаречения. А потому не вызывает сомнений тюрк. имя правителя алан — *Σαρῶης* < **Sari(y)*, элемент *-ης* в ониме представляет собой греческое окончание.

Расхождение вариантов *Σαρῶσιος* и *Σαρῶδιος*, приведенных одним автором (Менандр), вероятно есть результат недоразумения, а потому они не могут рассматриваться как два разных имени. В варианте *Σαρῶδιος* /*sarodios*/ может быть отражен через дельту увулярный проточный звонкий *y*: **Sariy* (+ греч. окончание *-ιος*) . Тогда ошибочным следует признать вариант *Σαρῶσιος*. Однако последняя форма сама по себе тоже может иметь этимологию: **sari(y) as* ‘рыжий горноста́й’, где *as* ~ *az* ‘горноста́й’ [ДТС, 59, 72; ЭСТЯ I, 191 и след.]. На подобную вероятность может указывать тотемное значение ласки — животного, воспринимаемого как вид горноста́я (сам горноста́й не обитает на территории Кавказа) у тюрк. народов Северного Кавказа — карачаевцев и балкарцев, потому носящей название *ayaz* (< *aq*

as) ‘белый горноста́й’. Тотемизм в отношении ласки отражен в фольклоре этих народов: «Агъазны ёлтюрген сау къалмаз» (поверье – убивший ласку в живых не останется (в КБРС на 18 с. дан неправильный перевод этого поверья, потому приводим свой)), «Агъазны ёлтюрген хаджини ёлтюрген кибикди» (убить ласку – всё равно, что убить хаджи), «Агъаз къабхан сау къалмаз» (поверье – тот, кого укусит ласка, не останется в живых) [КБРС, 18]. Поверье – если во дворе дома замечен агъаз (ласка – А.К.), то это к счастью и этого зверька в Балкарии никто не трогает [БНРЖ, 40].

Саул: Σαούλ (Иоанн Антиохийский) / Saul (Орозий Бракарский). – Предводитель аланов (у Иоанна) на службе у императора Феодосия в 394 г. – Считается христианским антропонимом (гр. Σαούλ < евр. Šā’ūl) [Ал., 320], что вряд ли можно признать обоснованным, поскольку у испанского пресвитера Орозия (V в.) упоминается полководец Saul «варвар и язычник» (*barbaro et pagano*), из-за нечестивости которого самые почитаемые дни и Святая Пасха были осквернены [Ал., 103]. Нет сомнений в том, что речь здесь идет об одном и том же аланском предводителе. Саул, бозначенный Орозием как язычник, по всей вероятности не мог иметь христианское имя на заре европейского христианства, когда христианские имена далеко еще не потеряли своей канонической сущности. В этой связи, созвучие аланского имени с еврейским Šā’ūl следовало бы признать случайным. Средствами тюркских языков данное имя этимологизируется без каких-либо серьезных препятствий: Σαούλ / Saul < *say oyul ‘здоровый (благополучный, хороший) мальчик (молодой человек)’: say ‘здоровый, благополучный, хороший’, ‘ум, сообразительность, сметливость’ [ДТС, 480], oyul ‘ребенок, мальчик, сын’ [ДТС, 364]. Oyul нередко встречается в составе др.-тюрк. антропонимов и титулов: Qutlu y oyul [ДТС, 473], Oyul tarqan, Oyul tegin, Oyul toṅa [ДТС, 364].

Хаскар: Χασκάρης. – аланский наемник (XI в.) на службе у Исаака Комнина, упомянут в одном эпизоде с Араватом. – А. Алемань критически оценил этимологию Вс. Миллера [ОЭ III, 96], в которой последний объясняет как осет. хас “полный” +

qar “сила” < др.-иран. **kārā-*, слова, которые не отражены ни в ОРНС, ни в ИЭСОЯ [Ал., 321].

При всей очевидности происхождения имени *Χασκάρης* в результате онимизации тюркского апеллятива *qaşqir* ~ *qaşqar* ‘волк’ [ЭСТЯ V, 352] (татар. л.и. *Qaşqar baj*, башк. *Qaşqar*, казах. *Qasqir baj* и др. [СИГТЯ 2001, 643]), не исключены и другие версии. В частности, от **qaşiy er* (< *qaşiy* ‘представительный, величавый, величественный, мужественный’ [ДТС, 431] + ‘er’ муж, мужчина [ДТС, 175]). Возможен также третий вариант: *Χασκάρης* < *qoşqar* ‘баран’ [ДТС, 451]. *Qoşqar* – имя в тюркском мире чрезвычайно распространенное (напр., карач.-балк. л.и. *Qoşqar* [КБИФ, 97], башк. *Qusqar*, тув. *Qoşqar-ool* [СЛИ РСФСР, 84, 201], ккалп. *Qoşqar baj*, которое Г.Ф. Благова ошибочно включила в список имен, производных от *qaşqar* [СИГТЯ 2001, 643]) + греческое окончание *-ης*. Каждая из этих этимологий отчетливо указывает на тюркский характер этого имени.

III. Аланские антропонимы в армянских источниках.

Аравелеаны: Araweteank’. – Аланское племя, родственники Сатиник, прибывшие вместе с нею [Хорен. II, 58]. – А. Алемань приводит мнение Маркварта о том, что наименование этого племени на армянском означает “восточный”, при этом подчеркивает, что тогда следовало бы ожидать *Arewel-*, а не *Arawel*), и делает предположение о том, что может быть мн. ч. от армянского патронимического имени *Arawet-ean* ‘потомок Аравела’ [Ал., 389]. Нам представляется бесспорной др.-тюрк. этимология этого родового имени: **Arawet* (-*ean-k*’ представляют собой армянские форманты) < **ariy el* ‘благородное (истинное, праведное) общество’ (< *ariy* ‘чистый’, ‘нравственно безупречный, благородный, порядочный, непорочный’, ‘чистый, истинный, неложный, праведный, священный, святой’ [ДТС, 51 и след.] + *el* ‘люди’, ‘общество’ [ЭСТЯ I, 340] ‘племенной союз, племенная организация’, ‘народ’ [ДТС, 168]).

Баракатра («Мученичество Сукиасянцев»). – Аланский сановник (IV в.). Ф. Гутнов предлагает осетинскую этимологию от *баркад* ‘изобилие’ [Гутнов 2002], при этом совершенно не учитывая, что *баркад* в осетинском является арабизмом, которого в аланском имени, отраженном в армянском агиографическом источнике V в. не могло быть по определению. Тюркская этимология прозрачна: *Баракатра* < *Baraq*, восходящее к др.-тюрк. *baraq* ‘собака с лохматой и длинной шерстью, отличается необычайной стремительностью и ловкостью, считается лучшей среди охотничьих собак’ [ДТС, 83]. М. Кашгари приводил тюркское поверье, будто бы орлица, чувствуя приближение старости, откладывает два яйца и сидит на них. Из одного яйца выходит собака, которую называют *baraq*, она самая быстрая в беге и самая лучшая для охоты [Кашгари, 358 п. 2041]. Антропоним *Baraq* весьма распространен в тюркском мире. Н.А. Баскаков отмечает, что название собаки *baraq* использовалось часто среди тюркских народов в качестве мужского имени собственного, и приводит в качестве примера имя половецкого хана – *Барак*, встречающееся в русских летописях [Баск. РФТП, 63, 243]. Кроме того, *Baraq* часто входит и в этнонимии тюркских народов, встречаясь в качестве названия племени у туркмен, киргизов, кочевых узбеков-конгратов, катаганов, кыпчаков, у туркмен Турции, Сирии и Ирана [Атаниязов, 23 – 24]. В антропонимиконе карачаевцев второй половины 19 века оно являлось из исконных имен одним из самых распространенных, встречаясь в документе 1874 г. 27 раз [СЛСС]. Встречается также в *Byzantinoturcica* в формах *Varákoç* и *Parák* [Moravcsik II, 86, 245]. Второй компонент имени представляет собой др.-тюрк. *adar-* ~ *adir-* ~ *ad̄ir-* ‘разделять, разлучать’, ‘различать, разбираться, понимать’, ‘выделять, обособлять’, ‘отделять, отграничивать’ [ДТС, 11, 15] (онимизация формы повелительного наклонения глагола приемлема для тюркских антропонимов): *Баракатра* < **Baraq adir* ‘*выделяющий (из других) собаку породы *Baraq*’, ‘*разбирающийся в собаках породы *Baraq*’. Имеется также др.-тюрк. личные имена – *Adar* (мужское) и *Adar qiz* (женское) [ДТС, 9], представляющее собой онимизацию вышеуказанного глагола *adar-*, вследствие чего допустимо двойное имя: **Baraq Adar*. Однако также вполне

возможна форма **Baraq it* ‘собака (породы) Барак’, С. Атаниязов дает ссылку на Рашид ад-Дина, который упомянул этноним *ит-барак* [Атаниязов, 24].

Барлах: *Barlax* («Мученичество Сукиасянцев»). — Предводитель аланского войска (IV в.) [Ал., 384 — 385, 390]. Иранская этимологии этого имени не приводится. Тюркская этимология очевидна и не вызывает никаких сомнений: *Barlax* < *barliḡ* ‘богатый, состоятельный’ [ДТС, 84]. Транскрибирование в армянских нарративных источниках тюркского звука *ḡ* через *a* является естественным. Н.К. Дмитриев, рассматривая вокализм кумыкского языка, отмечал, что кумыкское *ы*, как и всякое *ы* других тюрк. языков, отличается от русского *ы* тем, что оно более заднее и более нижнего подъема, чем русское, и акустически скорее напоминает русское редуцированное *a* безударных слогов (например, второе *a* в словах *лапа*, *капать* и т.п.) [Дмитриев, 6].

Сатиник: *Sat'inik* (Мовсес Хоренаци). — Легендарная личность, дочь царя аланов и жена армянского царя Арташеса I. — Юсти сопоставлял *Sat'inik* с арм. *sat'* — ‘янтарь’ [Ал., 391]; А. Алемань считает неправдоподобным чтение *Sat'inik* вместо библейского *Ast'inē* “Есфирь”, и считает лучшим предположением мнение В. Абаева о связи с именем нартской героини *Сатаны*, которое, в свою очередь, расценено последним как «старое аланское женское имя» неясной этимологии, но привел, при этом, мнение Р. Шмитта, расценившего это сравнение как маловероятное с армянской точки зрения [Ал., 391 — 392]. Для поиска этимологии имени аланской принцессы представляет немалую трудность отсутствие датировок периода жизни Сатиник, а датировку времени жизни Арташеса I, определяемую до н.э., принять сложно. Следует признать возможность значительного искажения ее имени по той причине, что оно известно, возможно, лишь по устным рассказам сказителей, так как армянская письменность появилась, по-видимому, позже периода ее жизни. Страсть Сатиник к потомкам дракона Аждахака, как и другие совершенно неправдоподобные

легенды, несколько мешают признанию ее исторической личностью. При этом ее имя имеет достаточно семантически обоснованную др.-тюрк. этимологию: *Sat'inik* < **Sateñäk* < **sata eñäk* 'коралловые щёки' (с закономерной элизией финального гласного первого элемента имени на стыке с инициальным гласным второго элемента), где *sata* 'коралл' [ДТС, 490; Кашгари, 905], а *eñäk* 'щека' [ДТС, 174]. Дж. Клосон выводит др.-тюрк. *sata* из араб. *saṭī'* – 'рассвет, утренняя заря'. Розовая утренняя заря, по его мнению, нашла метафорическое отражение по цвету в таком предмете, как коралл [Clauson, 799]. Значение араб. слова отразилось в арабографическом списке поэмы Юсуфа Баласагунского «*Qutadyu bilig*», составленном не позднее первой половины XIV в. *sīta* 'солнечный блеск (?)', 'лучи света (?)'. Но *sīta* в значении 'коралл' встречается, помимо словаря Махмуда Кашгарского (*sata*), еще и в переведенной с китайского языка сутре *Altun jarguq* ("Золотой блеск") предположительно X в., однако является ли слово *sīta* поздним включением в новый список перевода конца XVII в. или оно присутствовало в изначальном тексте X в., нам неизвестно. В том случае, если оно присутствовало в изначальном тексте перевода, выполненного Сынгку Сели-Тудунгом из Беш-Балыка, то это должно несколько ослабить арабскую версию происхождения этого др.-тюрк. слова.

Можно предложить также и иные версии происхождения имени *Sat'inik*, каждая из которых заслуживает внимания, например, **Say teñäk* < *say* 'чистый' [ДТС, 480] + *teñäk* 'воздух, небо' [ДТС, 552]; либо **Say tejiñ* < *say* 'ум, сообразительность, сметливость' (или другая линия значений – 'здоровый, благополучный', 'хороший' [ДТС, 480] + *tejiñ* 'белка' [ДТС, 549] + армянский уменьшительный формант [об этом см.: Ал., 391].

IV. Овсские антропонимы в грузинских источниках до X в.

Бакатар: *Bakat'ar*. — Овсский исполин (V в.), сраженный Вахтангом Горгасали. Имя и титул Багатар встречается среди овсов и алан и позже: *Baqt'ar*, *Baqar*, *Bağat'ar*. — Овсский мтавар (IX в.), союзник царя Абхазии Баграта I; *Baqt'ar*, *Baqt'r*. — Овсский мтавар (XIII – XIV в.), враг грузин. — А. Алемань без сомнений определил как почетный тюрко-монгольский титул *bayatur* [Ал., 423 и след.]. Слово наличествует и в осет. языке: дигор. *bæğætær*, ирон. *bæğatyr*, но чаще с метатезой — *qæbatyr*, но, по мнению, В. Абаева, усвоено от «тюрко-монгольских народов» [ИЭСОЯ I, 245 и след.]. Э.В. Севортяна озадачивало то, что упоминание этого титула у алан (= асов) состоялось много раньше времени датировки енисейско-орхонских надписей, потому он пытался возвести аланское *bayatur* и *batir* к гуннскому [ЭСТЯ II, 83 – 84], что весьма спорно. Гораздо более вероятен исконный характер этой лексемы в аланском. Др.-тюрк. титул *bayatur* [ДТС, 77] широко представлен в тюркской титулатуре и в тюркском антропонимиконе.

Овсские антропонимы из сочинения Леонтия Мровели «Жизнь картлийских царей»

В работе автора XI в. Леонтия Мровели «Жизнь картлийских царей» приведено несколько имен овсов с указанием времени их жизни: Базук (I-II вв.), Анбазук (I-II вв.), Хуанхуа (II в.), Кавтия (III-IV вв.), Перош (III-IV вв.). При этом не приводится совершенно никакого обоснования отмеченных периодов жизни этих лиц. А. Алемань в отношении второй части указанной работы Леонти Мровели, где и упоминаются эти овские герои, сделал предположение, что его хроникальные сборники, возможно, восходят к древним царским архивам [Ал., 406]. Однако такое допущение не имеет под собой реальной почвы, поскольку сам Л. Мровели ни на какие царские архивы в своей работе не ссылался, при том, что такая ссылка могла бы придать его работе немалую

историческую ценность и в момент ее написания, чем автор пренебречь вряд ли мог. Нельзя оставить без внимания и уничтожающую критику этой работы со стороны К.П. Патканова [см.: ОЭ III, 15-17, 20-21], который предлагает видеть в древней хронике Грузии не более как «относительно новую, неудачную компиляцию, составленную неопытной рукой по известному шаблону». О первой части этой работы К. Патканов утверждает, что она составлена не по преданию, а вымышлена одним лицом с предвзятой целью. Отмечается, что автор не сообщает никаких народных преданий, которые несомненно существовали в его время, а, напротив, даже избегает их, прибегая к заимствованиям из книг (пересказ Хоренского и Шахнаме) и сочиняя генеалогии, ни с чем не сообразные. На каждом шагу, по мнению К. Патканова, чудовищные анахронизмы следуют за не менее чудовищными противоречиями [ОЭ III, 15 -16]. Далее он отмечает, что и в изложение событий и более позднего времени внесено составителем грузинской летописи много несообразного [ОЭ III, 17]. Время вторжения хазар, которые были современниками Л. Мровели, он отнес ко временам столь отдаленным, что возможность и иных подобных казусов и анахронизмов в работе данного автора видится вполне вероятной. Имея подобную рецензию со стороны известного специалиста, тем более невозможно признать исторически достоверными и относимыми к описываемым событиям приводимые Л. Мровели овские личные имена. Потому, соглашаясь с критикой К. Патканова о вымышленном характере описания событий в этой хронике, мы вынуждены предположить, что овские антропонимы также были вымышлены Л. Мровели. Но были ли это имена, составленные по известным в те времена шаблонам и по примеру реально существовавших овских имен и титулов, возможно, несколько «состаренных» искусственно для придания хронике большей достоверности, либо имена были заимствованы из каких-то более ранних источников, и относятся не к овсам, а к другим раннесредневековым народам, остается до конца неясным. Тем не менее, факты, как видится, в большей степени подтверждают вторую версию.

Базук: *Bazuk / Bazuki*; арм. *Bazowk / Bazok*; *Bazuk, Barzok, Bazaon*. — Овский царь, согласно летописи «Жизнь

картлийских царей» (и ее армянскому переводу), время его жизни А. Алемань определил как I – II вв., брат *Анбазука* и союзник грузин, убит армянским спапетом Сумбатом Бивритианом [Ал., 424]. Упоминается вместе с Анбазуком («цари овсов – два брата-исполина по имени Базук и Анбазук» [Ал., 210]). Общепризнанной является иранская этимология этого имени от осет.-дигор. *bazug* (осет.-ирон. – *bazyg*) ‘плечевая часть руки до локтя, плечо, плечевая кость’ [ОЭ III 25 прим. 3; ОЯФ I, 160; ИЭСОЯ I, 242]. Достаточно спорная с точки зрения семантики этимология личного имени, поскольку помимо анатомического, указанный осетинский (иранский) апеллатив не носит какого-то иного значения, могущего дать характеристику носителю этого имени собственного.

Длительный временной промежуток, прошедший с эпохи, в которой, согласно Л. Мровели, жил обозначенный овсский царь, до момента первой фиксации его имени, порождает сомнения как в описываемых с его участием событиях, так и в его реальном существовании. Эти сомнения усиливаются совпадением его имени, с одной стороны, с названием одного из двух племен огузов – *Vozoq* ~ *Buzuq* [ДТС, 131; Огуз-наме, 31] (другое племя носило название *Учок* [Огуз-наме, 31]). Название племени происходит, согласно огузскому преданию, приведенному поздним автором – Рашид ад-Дином в «Огуз-наме», от тюрк. слова *buzuq* ‘разрушенный, разломанный’ [ДТС, 131], поскольку Огуз-хан разломал лук на три части и передал каждую часть трем старшим сыновьям [Огуз-наме, 31]. С другой стороны, налицо совпадение имени овсского царя – *Vazuk* с именем гуннского вождя IV в., отмеченного у Приска Паннийского как *Basix* /*basix*/, которое Д. Моравчик с сомнением [Moravcsik II, 87], а О. Менхен-Хельфен – без сомнения [Менх.-Хельф., 391] отнесли к именам тюркского происхождения, но при этом этимология, приведенная последним (< тюрк. *baŋiq* ‘маленький капитан’) весьма спорна. Наличие «парного» рифмованного имени (только в этом случае – *Κουρσίχ*) усиливает версию, согласно которой Леонти Мровели заимствовал в этом случае антропоним из сочинения Приска. Потому нашей целью в данном случае является скорее

поиск этимологии гуннского имени, поскольку овское имя представляется вымышленным и составленным на его основе. Одна из наиболее очевидных этимологических версий: *Bazuk* < др.-тюрк. *basuq* ‘громада, массив’ [ДТС, 85]. Другая версия, вероятно, связанная с первой: *Bazuk* < др.-тюрк. *bedük* ‘большой’, *beđük* ‘высокий’ [ДТС, 91], и возможные производные этой др.-тюрк. формы: карач.-балк., кумык. *baziq*, караим. *baziq*, *baziḫ*, *bazik*, кыпч. *baziḫ* ‘толстый, тучный’, чув. *пысак*, хак. *pözik*, уйг. *pezik* и др. [КБРС, 112; Кум.РС, 59; КРПС, 97, 98; КС, 242; Ег. ЭСЧЯ, 173], при этом наиболее полный и достоверный ряд значений этого слова приведен А. Гаркавцом: ‘толстый, дебелий, плотный, упитанный, тучный, крепкий, прочный, сильный, могучий, мощный, матерый, грубый, черствый, жесткий, простой, вульгарный, невежественный, мужиковатый’ [КС, 242]. В карач.-балк. антропонимиконе существует личное имя *Baziq* [КБРС, 800].

Анбазук: *Anbazuk / Ambazuk, Anzabuk; Anbazowk / Abazuk / Abazok*. — Один из братьев — овских царей из работы Л. Мровели, брат Базука и союзник грузин, был убит армянским спарапетом Сумбатом Бивритяном [Ал., 422]. — А. Алемань приводит мнение Броссе о том, армянское написание *Anbazowk* придает псевдо-армянское звучание этим двум именам: *bazowk* ‘рука’, *anbazowk* ‘безрукий’, и отмечает, что необходимо учитывать, что арм. *bazowk* заимствовано от ср.-перс. *bāzūg* < др.-иран. **bāzu-ka-* > осет.-диг. *bazug*, ирон. *bazug* ‘рука выше локтя, плечевая кость, *плечо’, ссылается на В. Абаева, который полностью поддержал точку зрения Вс. Миллера [ОЭ III, 25], и интерпретировал эти имена от слов из осет.-дигор. *bazug* ‘плечо’ / *æmbazug* ‘равноплечий’ (осет. *æm-* < др.-иран. **ham-*) [Ал., 422 — 423; ОЯФ I, 160, 167; ИЭСОЯ I, 242]. Вариант Д. Моравчика (< тюрк. *Abajuq*) оценивается Алеманем как ненадежный [Ал., 423]. Аргументация Вс. Миллера и В.И. Абаева в отношении этимологии имени Анбазук, нам представляется весьма уязвимой по следующей причине. Предположение о наречении братьев именами, имеющими значения «плечо» и «равноплечий», то есть, именами, имеющими один корень, должно предполагать сохранение нарицательного значения этих имен при их имянаречении. Наречение родных братьев рифмующимися, либо

аллитерирующими именами не является редкостью, но вот наречение братьев однокоренными именами, в одном из которых мы имеем префикс, придающий какую-то новую характеристику имени другого брата, явление исключительное, и едва ли отмеченное в истории. Этим трудностей можно было бы избежать, если предположить, что Базук и Анбазук являются прозвищами, отмечающими физические характеристики их обладателей, а не личными именами. В этом случае смысл первого имени требует объяснения отличия от второго. Если второе означает, что его обладатель имеет равные плечи, то одиночный смысл нарицательного «плечо» должен свидетельствовать о том, что первый имел всего одно плечо или одну руку. Но тут возникают трудности и иного рода. Во-первых, в подобном случае в прозвищах обозначается отсутствие части тела, а не его наличие, поскольку его наличие само по себе является естественным, а во-вторых, вряд ли Базук мог считаться голиафом и биться с Сумбатом Бивритианом, имея лишь одно плечо. Либо если имя Анбазук означало «равноплечий», то Базук — «плечо» должен был иметь плечи разного размера, либо разной формы. Что также едва ли согласуется с его «богатырской» характеристикой. Таким образом, этимология Вс. Миллера и В.Абаева вряд ли может считаться убедительной.

На фоне весьма спорной этимологии, сделанной на основе осетинского языка, предлагавшаяся тюркская этимология на основе тюрк. апеллятивов — *baziq* ‘толстый, мощный’ *embaziq* ‘наитолстый, наимощный’ [Мизиев 1986, 142; Мизиев 1990, 423; Байрамкулов, 141 — 142] выглядит гораздо предпочтительнее, если обозначить Базук и Анбазук как прозвища овсов-голиафов: *Anbazuk* < **eŋ baziq*, где *eŋ* — др.-тюрк. частица превосходной степени, ‘самый’ [ДТС, 174]. Элатив «наитолстый», «наимощный», характеризующий субъекта, для субстантивации и онимизации абсолютно приемлем. При этом, однако, мы не можем игнорировать то, что имена овсов Базук и Анбазук впервые встречаются в сочинении Л. Мровели спустя почти тысячу лет после их смерти. До XI в. никакого упоминания овсов, асов или алан с такими именами не встречается. Зато у

Приска Паннийского зафиксировано имя гуннского вождя V в. — *Vasix* [см.: Базук], а у Прокопия Кесарийского зафиксировано имя гуннского вождя V — VI вв. — *Ἀμβαζούκης / ambazukis/* [Moravcsik II, 65]. Нет сомнений в том, что Л. Мровели использовал сочинения Приска и Прокопия, где и заимствовал имена гуннских вождей, поменяв этническую атрибуцию которых, обозначил их как вождей овсских. Отсутствие у Мровели ссылок на какие-либо иные источники, о чем сказано выше, только подкрепляет данную гипотезу. В этой связи, речь может идти лишь об этимологическом анализе гуннского имени *Ambazuk*. Приведенная этимология **eη baziq* (с элативной частицей) вполне приемлема и для гуннского имени. Однако возможна и иная версия, связанная с др.-тюрк. *aη ~ eη* ‘лицо, щёки’, в переносном значении — ‘лик, внешность, вид’ [ДТС, 46, 174]: изафетная конструкция **aηi (eηi) baziq* — ‘имеющий полное лицо’.

Кавтия: *Kavtia / Kavatia / Kavc'ia*. — По Л. Мровели, овсский вождь во время правления грузинского царя Мирвана (III — IV вв.) [Ал., 412, 426]. В сочинении Мровели, Кавтия упомянут вместе с другим овсским вождем, имя которого — Перош («*овсы под предводительством Пероша и Кавтии*» [Ал., 412]). А. Алемань не привел иранской этимологии этого имени. Др.-тюркская же этимология, вроде бы, бесспорна: **Qawut ijä* ‘владеющий величием (достоинством)’: *Qavut ~ Qawut* ‘величие, достоинство’ [ДТС, 438] + *igä ~ ijä* ‘хозяин, господин’ [ДТС, 204, 205]. Апеллятив *qavut ~ qawut* является фонетическим вариантом др.-тюрк. *qut*, имеющим две линии значений: I ‘душа’, ‘жизненная сила, дух’ и II ‘счастье, благо, благодать, благополучие’, ‘удача, успех’, ‘счастливый удел’, ‘состояние истинного бытия, блаженства’, ‘блаженство’ [ДТС, 471; ЭСТЯ VI, 176 — 177]. В ДТС приводится и др.-тюрк. л.и. *Qabda* [ДТС, 399]. Однако, как и в отношении других овсов, упомянутых Мровели, смущает совпадение его имени с именем гораздо более известного исторического деятеля — персидского царя *Кавада* (VI в.), а также совпадение имени, упомянутого вместе с *Кавтия*, другого овсского вождя — *Пероша*, чье имя, в свою очередь, совпадает с именем отца *Кавада* — *Пероза* (вторая половина V в.). Такое совпадение нам видится неслучайным. Более того, оба персидских царя упомянуты как

отец и сын у Прокопия Кесарийского, сочинение которого Мровели явно использовал в своей работе. В этой связи, больше оснований считать Кавтия и Пероша вымышленными персонажами. А совпадение их имен с тюрк. именами и апеллятивами может оказаться случайным.

Перош: *P'eroš* / *P'aeroš* / *P'erub*. – Овс, во время грузинского царя Мириана (III – IV в.), упомянут Леонти Мровели вместе с *Кавтия* [Ал., 412]. – Вс. Миллер связывает с осет. *ferox* “забытый” [ОЭ III, 29], что А. Алемань считает маловероятным, и привлекает для сравнения ср.-перс. *Pērōz* ‘победоносный’ (прилагательное и имя собственное), зафиксированное в грузинских хрониках в форме *P'eroz* [Ал., 426]. Мы солидарны с мнением А. Алеманя о маловероятности происхождения имени *Перош* от осетинского *ferox*, поскольку при таком сопоставлении возникают и фонетические, и семантические трудности. Тюркские версии происхождения этого имени более обоснованны, нежели осетинская. Возможно происхождение *P'eroš* ~ *P'aeroš* от др.-тюрк. *bariř* ‘мир, примирение, согласие’ [ЭСТЯ II, 73]. При этом, каких-то семантических препятствий к онимизации данного апеллятива не существует, так для гагаузского имени *Pareř* также предполагается происхождение от этого же апеллятива [Каранфил, 129]. Либо можно предположить, что в грузинской речи антропоним подвергся более существенному искажению, являясь производным от др.-тюрк. апеллятива *bars* ‘тигр’ [ДТС, 84]. Личное имя *Bars* у древних тюрков было весьма распространено: *Bars* ‘название рода’, *Bars beg*, *Bars buya*, *Bars qan sañun*, *Bars uruñu*, *Qutadmiř bars* [там же]. Однако высока вероятность того, что имя овса – *P'eroš* было вымышлено Л. Мровели [см.: *Кавтия*], и составлено на основе имени персидского царя второй половины V в. Пероза (< *pērōz*).

Хуанхуа: груз. *Xuanxua* / *Xanxua* / *Xunxua*; арм. *Хавпахова*; у Вахушти Багратиони – *Хихи*. – Овсский воин (предположительно II в., первое упоминание – XI в. у Л. Мровели), убитый грузинским царем Амазаспом II. – А. Алемань приводит материал из словаря, составленного Вс. Миллером:

осет.-дигор. *хонхаг*, *хwæпхаг* осет.-ирон. *хохаг* “горный”, производное от осет.-дигор. *хонх* (мн. ч. *хwæпхтæ*) осет.-ирон. *хох* ‘гора’ [Ал., 429]. Вс. Миллер полагал, что имя *Хуанха* напоминает осетинские имена, содержащие пожелания: по-дигорски *Хонхуа* значит: будь горою, т.е. высок как гора; или *хуанхуа* может быть искажением слова *хуанхаг* – горный [ОЭ III, 28 п. 1].

Выше нами отмечен ряд трудностей, связанных с принятием овских имен из работы Л. Мровели, архетипы которых чаще всего представляют собой имена, известные из иных, более ранних исторических сочинений, и не относятся к овсам, асам или аланам. По отношению к антропониму *Хуанхуа*, из фонетически близких форм, но более поздних, можно упомянуть имя венгерского кумана *Конхи* (*Koncha*) [Голубовский, 7]. В более ранних – византийских источниках упоминается болгарский род *Каукáνος* (X – XI вв.), название которого Д. Моравчик выводит из тюрк.-болг. *Qavqan*, *Qархан* [Moravcsik II, 156 и след.]. Он же упоминает протобулгарский титул IX – XI вв. *каухáνος*, упоминавшийся в разных источниках, и приводит его в следующих формах: *каухáνος*, *каухá{ха}ν(ος)*, *каухáν(ον)*, *каухáνον*, *каухáνως*, *[κ]αυχάν[ος?]*, *каухáνω*, *каукáνω* [Moravcsik II, 157] и выводит их из булг.-тюрк. *qavqan* [там же], который может восходить к др.-тюрк. *qiv* ‘счастье’ [ДТС, 449] + *qan* ~ *хан* ‘хан, правитель’, ‘повелитель’, ‘предводитель’ [ДТС, 417, 636]: *‘счастливым правителем (предводителем)’, либо к др.-тюрк. **qivī qan* ‘временный правитель (предводитель)’ (< *qivī* ‘непродолжительный, недолгий’, ‘недолго, немного’ [ДТС, 449]). По всей видимости, Леонти Мровели в своем сочинении «Жизнь картлийских царей» использовал реально существовавший в его время тюркский титул для имянаречения овского противника картлийского царя Амазаспа.

ВЫВОДЫ

Этимологический анализ аланских личных имен раннего периода приводит нас к заключению, что они в подавляющем большинстве имеют тюркскую основу. Несмотря на неточность передачи этих антропонимов латинским, греческим, армянским и грузинским письмом, причиной которого служили фонетические расхождения вышеназванных языков с тюркскими, большинство апеллятивов было выявлено с учетом фонетических закономерностей отражения иноязычных звуков и слов названными системами письма. Помимо тюркских имен, было выявлено несколько христианских антропонимов греческого и еврейского происхождения, что, безусловно, связано с христианизацией алан. Ни один из письменных источников, помимо свидетельства аль-Бируни, который отметил смешанный характер языка алан («между хорезмийским и печенежским»), не говорил о наличии среди алан ираноязычия, более того, все средневековые авторы (не считая обозначения алан готами у Прокопия), так или иначе упоминавшие язык алан (асов, аскиши), непременно отмечают его тюркский характер (Ибн-Са'ид аль-Магриби, Абу'л-Фида, Ибн Халдун, Ибн-Хордадбех, Аль-Джайхани, Аль-Хамадани, Аль-Марвази, Аль-Димашки, русский переводчик «Иудейской войны» Иосифа Флавия и др.). Мнение ряда современных авторов и авторов недавнего прошлого (В.И. Абаев, Ю.С. Гаглойти и др.) о том, что тюркоязычие среди алан появилось в результате контактов с половцами, не выдерживает критики по результатам данного исследования аланских антропонимов, сформированных еще до начала контактов алан с этими тюркоязычными кочевниками. Следовательно, тюркоязычие среди алан имеет гораздо более раннее происхождение, нежели принято было считать до настоящего времени. Имен иранского происхождения среди ранних аланских антропонимов не выявлено, что заставляет усомниться в верности сложившейся теории об их ираноязычии.

Библиография и примечания:

* Карта миграции алан (стр. 226), размещена редакторами БЕНПС.

Clauson — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford, 1972.

Doerfer I-III — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. I; Wiesbaden, 1965. II; Wiesbaden, 1967. III.

Moravcsik II — *Gy. Moravcsik.* Byzantinoturcica II. Sprachreste der Türkfölker in den byzantinischen Quellen. — Budapest, 1943.

Ал. — *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. — М., 2003.

Атаниязов — *Атаниязов С.* Этнонимы в туркменском языке / Под ред. *П. Азимова.* — Ашгабат, 1994.

Багаев I — *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. Ч. 1 (фонетика и морфология). — Орджоникидзе, 1965.

Байрамкулов — *Байрамкулов А.М.* К истории аланской ономастики и топонимики / Отв. ред. *М.А. Хабичев.* — Черкесск, 1995.

Баск. Ккалп. — *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык: Материалы по диалектологии (тексты и словарь) / Отв. ред. *В.А. Гордлевский.* — М., 1951.

Баск. РФТП — *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. 2-е (репринтное) издание. — М., 1993.

БРС — Башкирско-русский словарь (С приложением краткого очерка грамматики башкирского языка) / Редколлегия: *Ахмеров К.З., Баишев Т.Г., Каримова Г.Р., Юлдашев А.А.* — М., 1958.

БНРЖ — *Базиев Д.Х., Шаутаева Н.Н.* Балкарские названия растений и животных. — Нальчик, 1999.

Вахушти — Царевичъ Вахушти. Географія Грузіи (Введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили). — Тифлисъ, 1904.

ВЯ 1963-6 — Вопросы языкознания, № 6, 1963.

Гагл. ОФЛИ — Гаглойти З.Д. Осетинские фамилии и личные имена. 2-е изд. — Цхинвал, 2007.

Гаглойти 2007 — Гаглойти Ю.С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. — Владикавказ, 2007.

Голубовский — Голубовскій П. Половцы въ Венгрии. Историческій очеркъ. — Киевъ, 1889.

ГООЯ — Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. — Орджоникидзе, 1959.

Гузеев — Гузеев Ж.М. Карачаево-балкарская фонетика. — Нальчик, 2009.

Гуриев 1962 — Гуриев Т.А. Несколько замечаний о происхождении этнического термина «ir» // Известия СОНИИ. Т. XXIII. Вып. 1. 1962 // Гуриев Т.А. Сборник избранных статей / Под ред. З.Б. Джераповой. — Владикавказ, 2010.

Гутнов 2002 — Гутнов Ф.Х. Ранние аланы в закавказских источниках // darial-online.ru/2002_4/gutnov.shtml

Дмитр. — Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. — М.-Л., 1940.

ДТС — Древнетюркский словарь. Под ред. Наделяева В.М., Насилова Д.М., Тенишева Э.Р., Щербака А.М. — Л., 1969.

Евр. Энцикл. — Еврейская Энциклопедия Брокгауза-Ефрона, 1908 — 1913: brockhaus-efron-jewish-encyclopedia.ru/

Ег. ЭСЧЯ — Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1964.

Зуев — Зуев Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо) // Труды Института Истории, Археологии и Этнографии им Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР, т. 15, 1962.

Исаев — Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка: фонетика, морфология. — М., 1966.

ИЭСОЯ I-IV — Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, - М.-Л., 1958 (Т. I); Л., 1973 (Т. II); Л., 1979 (Т. III); Л., 1989 (Т. IV).

Каз.РС — Бектаев К. Большой казахско-русский словарь. — Алма-Ата, 1995.

Камб. — Камболов Т.Т. Очерки истории осетинского языка: Учебное пособие для вузов. — Владикавказ, 2006.

Каранфил — Каранфил Г. Антропонимическая лексика гагаузов (имена и фамилии) // *Türkbilig*, 2008/16: 124-136 // turkbilig.com/pdf/200816-129.pdf

Кашгари — Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. — Алматы, 2005.

КБИФ — Алиев И.И., Алиева З.И. Карачаево-балкарские имена и фамилии. Толковый словарь. — М., 2003.

КБРС — Карачаево-балкарско-русский словарь. Под ред. Тенишева Э.Р., Суюнчева Х.И. — М., 1989.

КРПС — Караимско-русско-польский словарь / Под ред. Баскакова Н.А., Зайончковского А., Шапшала С.М. — М., 1974.

КРС I-II — Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. — Фрунзе, 1985.

Кузнецов 1992 — Кузнецов В.А. Очерки истории алан: 2-е изд. допол. — Владикавказ, 1992.

Кузнецов 1997 — Кузнецов В.А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона, М., 1997 // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии России, № 1 (Под ред. Мунчаева Р.М., Ольховского В.С.).

Кум.РС — Кумыкско-русский словарь / Под ред. З.З. Бамматова. — М., 1969.

КС — Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Т. III. Кыпчакский словарь. По армянописьменным памятникам XVI — XVII вв. — Алматы, 2010.

КъХХАА — Шаманланы И., Лайпанланы Р. Къарачай халкъда хайырландырылгъан адам атла (Карачаевская антропонимика): Антропонимика сѣзлюк. — Черкесск, 2012.

Менх.-Хельф. — *Менхен-Хельфен Отто*. История и культура гуннов / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. — М., 2014.

Мизиев 1986 — *Мизиев И.М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. — Нальчик, 1986 // История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т., Т. II, с. 84 — 232. — Нальчик, 2010. Т. 1.

Мизиев 1990 — *Мизиев И.М.* История рядом. Беседы краеведа. — Нальчик, 1990 // История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т., Т. I, с. 341 — 466. — Нальчик, 2010.

Нарты КБ — *Нарты*. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. Отв. ред. Алиева А.И. — М., 1994.

НРС — Ногайско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. — М., 1963.

Огуз-наме — *Фазлаллах Рашид ад-Дин*. Огуз-наме. / Ред. акад. Бунятов З.М. — Баку, 1987.

ОРНС I-III — *Вс.Ф. Миллер, А.А. Фрейман*. Осетинско-русско-немецкий словарь, I-III (Репринтное издание). Ленинград, 1927 — 1934.

ОЭ I-III. — *Миллер Вс.* Осетинские этюды. Репринтное издание. — Владикавказ, 1992.

ОЯФ I — *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор I. — М.-Л., 1949.

Петрухин — *Петрухин В.Я.* «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. — М., 2011.

Радлов I — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. — СПб., 1893.

РКБС — Русско-карачаево-балкарский словарь. Под ред. Суюнчева Х.И., Урусбиева И.Х. — М., 1965.

РЯС — Русско-якутский словарь / Под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитонова. — М., 1968.

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М., 1988.

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. — 2-е изд., доп. — М., 2001.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. — М., 2006.

Скр.РС — Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь / Под ред. В.И. Кальянова. С приложением “Грамматического очерка санскрита” А.А. Зализняка. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1987.

СЛИ РСФСР — Справочник личных имен народов РСФСР / Отв. ред. А.В. Суперанская. 3-е изд., испр. — М., 1987.

СЛСС — Список лицам свободных сословий Бий, Чанка и Уздень в Карачаевском обществе Баталпашинского уезда // ЦГА РСО-А. Ф. 262.

СМОМПК XXII — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXII. — Тифлис, 1897.

Сукиас. — Мученичество Сукиасянцев // miasin.ru/spiritlib/church/svyatie/sukiasyanci.html

ТСКБЯ I-III — Толковый словарь карачаево-балкарского языка / Гл. ред. Ж.М. Гузеев. — Нальчик, 1996 [Т. I]; 2002 [Т. II]; 2005 [Т. III].

Тув.РС — Тувинско-русский словарь. Ред. Э.Р. Тенишев. — М., 2008.

Туркм.РС — Туркменско-русский словарь / Под общ. ред. Н.А. Баскакова, Б.А. Каррыева, М.Я. Хамзаева. — М., 1968.

Фед. ЭСЧЯ I-II — Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары, 1996.

Хабичев — Хабичев М.А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. — М., 1989.

Хорен. I-III — Хоренаци Мовсес. История Армении: в 3-х книгах (Пер. Г. Саркисяна). — Ереван, 1990.

Чичуров — Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. — М., 1980.

ЭСИЯ I — III — *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. — М., 2001 [Т. I]; 2003 [Т. II]; 2007 [Т. III].

ЭСТЯ I-VII — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974 [Т. I]; 1978 [Т. II]; 1980 [Т. III]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей *Э.В. Севортян, Л.С. Левитская.* — М. 1989 [Т. IV]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей *Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин.* — М., 1997 [Т. V]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. статей *Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин.* — М., 2000 [Т. VI]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей *Л.С. Левитская, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Д.М. Насилов, Е.А. Поцелуевский.* — М., 2003 [Т. VII].

ЭСтув.Я I-IV — *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. — Новосибирск, 2000 [Т. I]; 2002 [Т. II]; 2004 [Т. III]; 2008 [Т. IV].

Сокращения в названиях языков и диалектов и условные сокращения:

алан. — аланский

алтайск. — алтайский

авест. — авестийский

алан. — аланский

араб. — арабский

арм. — армянский
башк. — башкирский
гаг. — гагаузский
гал.-караим. — галицкий диалект караимского языка
греч. — греческий
груз. — грузинский
др.-евр. — древнееврейский
др.-иран. — древнеиранский
др.-тюрк. — древнетюркский
евр. — еврейский
иран. — иранский
казах. — казахский
карач.-балк. — карачаево-балкарский
кирг. — киргизский
ккалп. — каракалпакский
крым.-караим. — крымский диалект караимского языка
кумык. — кумыкский
кыпч. — кыпчакский
лат. — латинский
ног. — ногайский
н.-перс. — новоперсидский
осет. — осетинский
осет.-ирон. (ирон.) — иронский диалект осетинского языка
осет.-дигор. (дигор.) — дигорский диалект осетинского языка
санскр. — санскрит
ср.-иран. — среднеиранский
ср.-кыпч. — среднекыпчакский
ср.-перс. — среднеперсидский
татар. — татарский

тув. — тувинский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
тюрк. — тюркский
тюрк.-болг. — тюркско-болгарский
хак. — хакасский
уйг. — новоуйгурский
чуваш. — чувашский
элам. — эламский
як. — якутский
ист. — историзм
л.и. — личное имя
мн.ч. — множественное число
твор. падеж — творительный падеж

